Я. И. ПОРЕЦКИЙ

НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ

Я. И. ПОРЕЦКИЙ

НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ

Научный редактор
доктор исторических наук З. Ю. КОПЫССКИЙ

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1984

ББК 83.3Бел1
П59

Рецензенты:
П. И. Копанев, А. Я. Михневич,
доктора филологических наук,
А. Ф. Коршунов, В. А. Чемерицкий,
кандидаты филологических наук

П $\frac{4603010201-078}{М316-84}$ 119-84

© Издательство
«Наука и техника», 1984.

ВВЕДЕНИЕ

иколай Гусовский — выдающийся белорусско-латинский поэт начала XVI в. Его творчество, черпающее вдохновение в горячей любви к родному краю, близко и дорого нашим современникам. Больше того, по словам исследователя истории белорусской эстетики, «изучение творческого наследия Гусовского и перевод его произведений на русский и белорусский языки — явление в истории белорусской культуры, сравнимое с возрождением памятников античной культуры в эпоху Ренессанса» [1]. Творчество поэта, не признанное в светских и церковных кругах феодалов, отвергнутое ими, было возрождено и по достоинству оценено в наше время.

Свои сочинения Николай Гусовский писал на латинском языке, которым в то время широко пользовались деятели науки и культуры в Западной Европе. Гусовский был из когорты передовых мыслителей Ренессанса, противодействовавших мракобесию, возвеличивавших простой народ. Творчество поэта отличают глубокое понимание жизни, ее раскрытие средствами высокохудожественных образов. Религиозные учения и открытия естествоведов, богатство светской и духовной знати и нищета порабощенного крестьянства, религиозные войны и войны, разжигаемые соперничавшими государствами, нашествия турецких захватчиков, отличавшие XVI в., нашли яркое отражение в произведениях Гусовского.

Впервые «Песнь о зубре» и несколько других произведений Николая Гусовского были изданы Краковским печатным двором в 1523 г. [2] Последние два четверостишия поэта датированы 1533 г. [3]

В XIX в. исследователям были известны лишь три экземпляра первоиздания «Песни о зубре». Один из них

находился у настоятеля Неводницкого прихода Гродненской губернии Иосифа Малышевича, который в 1853 г. подарил его Императорской публичной библиотеке в Петербурге. Именно с этого экземпляра и была сделана перепечатка поэмы «Песнь о зубре» по инициативе Московского общества испытателей природы в Петербурге в 1855 г. [4] Но и эта книга вскоре стала библиографической редкостью: она была выпущена в свет тиражом лишь в сто экземпляров. Второй раз краковское издание 1523 г. было перепечатано на латинском языке исследователем Иоанном Пельчаром в 1894 г. В его исследовании представлены также произведения Н. Гусовского последующих лет. Пельчар пользовался экземплярами подлинников, сохранившихся в польских библиотеках, а также сослался на перепечатку «Песни о зубре», осуществленную в 1855 г. Он снабдил сочинения Николая Гусовского вводной статьей и обширными комментариями [5].

Упоминание имени Гусовского встречается у библиографа Даниила Яноцки. В 1776 г. он писал, что Гусовский был поэтом, удрученным невзгодами, но весьма образованным и способным к стихосложению [6]. В 1911 г. Ян Каспрович перевел 200 (из 1072) строк «Песни о зубре» на польский язык. Высоко оценив поэму, Ян Каспрович высказал предположение, что ее «можно с полной убежденностью считать предвестником мицкевичского «Пана Тадеуша» [7]. «...Среди стихотворцев первого гуманистического периода,— писал он,— автору «Песни о зубре» принадлежит первое место» [8]. По мнению Яна Каспровича, поэт «воображением, способностью пластического представления явлений превосходит всех», «в этот период у Гусовского нет соперника в выразительности чувств» [9].

В 1922 г. литературовед Ю. Калленбах опубликовал статью о Гусовском, высказав мнение, что поэт происходит из белорусско-литовских земель. «В истории польского гуманизма,— писал Калленбах,— выделяется необыкновенная фигура Гусовского, который прежде всего остается самим собой, не скрывая своей первобытной души... это проявляется в его шероховатой латыни». Калленбах подчеркивает, что «горячая религиозная вера поэта вступает в борьбу с глубоко укоренившимися и унаследованными народными верованиями в таинствен-

ную силу зелья и колдовства»[10]. В числе доказательств происхождения Гусовского из белорусско-литовского края Калленбах ссылается на слова самого поэта, писавшего о ряде поверий: «все это происходит в нашей стране». Узкоконфессиональный подход Калленбаха сделал его взгляд на творчество Гусовского поверхностным и однобоким, помешал увидеть гуманистическую настроенность поэта.

Шире истолковал произведения Гусовского в 1929 г. литературовед К. Гартлеб, выразивший свое восхищение Гусовским. Исследователь считал, что поэт принадлежал к ближайшему окружению польского дипломата, посла к папе римскому, епископа Эразма Телка (Вителлиуса), по указанию которого сочинил поэму о зубре. Как отметил К. Гартлеб, поэт воспел красоту родины, очарование польских и литовских лесов, а также характеризовал своих соотечественников как мужественных, способных и гостеприимных людей[11].

Польский ученый Е. Круковский осветил вопрос о том, кому из позднеримских и новолатинских поэтов мог подражать Гусовский. Критик не поддержал мысли Яна Каспровича о влиянии «Песни о зубре» на творчество Адама Мицкевича[12].

На безошибочную метрику стихов и чистоту языка Гусовского указал К. Куманецкий, подчеркнув искренность личных переживаний поэта[13]. В 1964 г. брюссельский ученый К. Баквис характеризовал Гусовского как певца, осознавшего, что величие народа — это его культура. По мнению критика, поэт гордился своим происхождением, понимал свое преимущество и отмежевывался от «полированной литературы». Баквис усмотрел склонность автора поэмы о зубре к своего рода экзотике в связи со ссылкой Гусовского на прочитанное им о зверях в древних русских книгах. По словам критика, он якобы хотел «ошеломить итальянцев». Баквис воздал должное мастерству поэта, написанным им контрастным картинам великолепия и красочности одеяний знати, наблюдавшей с помоста за охотой и видом разъяренного зубра, преследуемого охотниками. Критик подробнее других исследователей остановился на толковании сохранившихся сочинений Гусовского и пришел к ряду выводов об особенностях воззрений поэта на общество, религию. В частности, он высказал спорное суждение, что

похвала Иакинфу была лишь предлогом для борьбы с лютеранством [14].

В 1968 г. «Песнь о зубре» впервые была опубликована на русском языке, в 1969 г.— на белорусском [15]. В последующие годы произведения поэта печатались в журналах, выходили отдельными изданиями [16]. Творчество Н. Гусовского исследуется в работах В. А. Колесника [17], М. Г. Ларченко [18], В. М. Конона [19], В. И. Дорошкевича [20].

Переводы «Песни о зубре» Николая Гусовского на современные языки, обращение к его творчеству — в истории белорусской культуры важное явление, которое заслуживает одобрения и поддержки. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что в ряде мест переводы далеки от подлинника, а некоторые мысли поэта, созданные им художественные образы передают лишь приблизительно. Полагаясь на изданные переводы, исследователи в свою очередь допускают неточности в трактовке образов, позиции поэта, приходят к спорным, а порой и ошибочным выводам.

Яркий творческий путь Николая Гусовского заслуживает дальнейшего, углубленного изучения, новых монографических исследований, а его произведения — еще более совершенных переводов.

В предлагаемой читателям книге предпринята попытка на основе исследования сочинений в подлинниках показать творческий путь, отличительные черты художественного мастерства Николая Гусовского, рассмотреть идейные позиции и социальные взгляды поэта.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Хватит ли мне дарованья иссякший разведать источник?
В поле бесплодном взойдет вряд ли большой урожай.

Н. Гусовский

Николае Гусовском известно немного. Некоторые сведения о жизни поэта содержатся в его произведениях, а также в посвящении поэмы о зубре королеве Боне, жене польского короля Сигизмунда I. Гусовский — сын лесника или охотника, вырос на белорусской земле, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. Поэт сам испытал опасности приключений в лесах. Думы ему навевали народные поверья, старинные русские летописи. Об этом свидетельствуют многие места его песни о зубре, отмечал львовский ученый Ю. Калленбах [1]. Исследователь ссылался, в частности, на такие строки поэмы:

Много древнейших сказаний по русским я читывал книгам.
Греческий в них алфавит изображает слова.
В давнее время народ перенял алфавит этот с пользой,
К звукам удачно родным букв приспособив черед...

(3, 73—76) *

Ю. Калленбах заключает: «...Ни один пришелец из этнографической Польши не мог бы так сжиться с белорусским народом, так усвоить его верования и предрассудки, поверья и заклинания, только местный житель может всерьез, без тени иронии утверждать, что мясо глухаря питает не только тело, но и дух» [2].

Действительно, вся поэма о зубре насыщена богатыми историческими, этнографическими и фольклорными материалами, непосредственно относящимися к Бе-

* Перевод наш. В дальнейшем строки из «Песни о зубре» и других сочинений Н. Гусовского приводятся также в нашем переводе. В круглых скобках указаны страницы и номера строк по перепечатке И. Пельчара в 1894 г. на латинском языке.

лоруссии. Автор ее, несмотря на запреты церкви, сохранил в глубине души народную веру в силу заклинаний и волшебства. Он рассказывает о том, как сам был свидетелем «испытания ведьмы»:

Если кто-либо отмечен сомнительной славой в народе,
Тень подозренья падет на человека того,
Схватят, бывало, связав по рукам и ногам без пощады,
Прямо бросают меж волн вздутых, бушующих вод.
Если он тонет, оправданным, чистым его называют,
Если, напротив, всплывает, грех всем доказан его.
(20, 305—310)

Известно, что такой вид казни применяли в Белоруссии и позднее. В 1613 г. в Любче (ныне в Новогрудском районе) был издан сборник сатирических, юмористических и бытовых стихотворных рассказов. В одном из них описывался случай, происшедший в Слониме 11 января 1613 г. Женщину, отравившую своего мужа, приговорили к смерти и бросили, связанную по рукам и ногам, с высокого берега в реку. Вода несла ее полчаса, и, наконец, невредимую прибило к берегу [3]. Это поверье об «испытании водой» долго сохранялось в Белоруссии [4].

Неизвестно, где Гусовский получил образование, позволившее ему воспеть на латинском языке любовь к родной земле и народу, поднять голос осуждения алчности феодалов и продажности духовенства. Даже само звучание фамилии поэта вызывает сомнение. Корневой элемент в слове «Гусовский», как показывает анализ,— это «гус», а словообразовательный суффикс — «ов», который обычно присоединяется непосредственно к корню и дает распространенные топонимические и антропонимические наименования, например Петр—Петров—Петровский. Большая часть исследователей склоняется к толкованию фамилии «Гусовский» как принадлежащей человеку из местности Гусов, Усов. Две буквы «с» в латинском написании передают кроме звука «с» (одна буква произносилась в XVI в. как «з») также звуки «ш» и «щ», отсутствующие в латыни. Так что корень, от которого образовалось слово «Гусовский», мог звучать «гуш», «гущ». О том, что местность малоизвестная, говорит трактовка самим поэтом своей фамилии: то «Гусовиянус», то «Гусовиензис», то «Усовиус» (последняя разновидность еще больше расширяет диапазон названий

без придыхания или без взрывного «г» в начале слова).

На судьбу поэта бросает особый свет гипотеза, недавно выдвинутая польским исследователем Г. Барычем на основании найденных им в Болонском университете записей о некоем «Полонусе Литуанусе Николае Альбинусе», читавшем в 1519 г. курс риторики и в 1520 г. ходатайствовавшем перед советом Болонского университета о разрешении ему защищать докторскую диссертацию по философии «бесплатно» и «во имя любви к господу» [5]. Г. Барыч предполагает, что речь идет о Николае Гусовском и, таким образом, подвергает сомнению все, что до сих пор было сказано учеными о годе рождения и жизненном пути поэта. Известно, как пишет Г. Барыч, что в Болонском университете было принято допускать временно к чтению курса риторики молодых людей, прошедших предварительно особые испытания. Ритору могло быть не более 20—25 лет, и поэтому год его рождения определяется концом XV в., а не 80-ми годами, как утверждают о Гусовском.

Интересно отметить, что в 1512 г. к совету Падуанского университета обратился с просьбой разрешить «бесплатно» и «во имя любви к господу» защиту докторской диссертации другой «бедный юноша», «пришедший за тысячи миль в Падую для того, чтобы увеличить славу этого города». Это был белорусский первопечатник Франциск Скорина. Так что появление в знаменитых итальянских университетах несостоятельных, но одаренных пришельцев из далекой Белоруссии не было ново и удивительно.

В связи с предположением о тождестве Гусовского и Альбинуса возникает сложный вопрос о фамилии или прозвище «Альбинус». Г. Барыч пытается найти в этом слове перевод на латинский язык соответствующей славянской фамилии с корнем «бел» (альбус по-латыни — белый). Если, однако, учесть, что лица с такой фамилией или прозвищем и именем «Николай» не встречаются ни в польских источниках, ни среди деятелей европейских стран, то возникает мысль об искусственном, умышленном выборе названия «Альбинус» ввиду отсутствия родового имени.

Суффикс «инус» в латинском слове «альбинус» наряду с другими указывает на происхождение, например

Гораций Венузинус (из Венузии), Вергилий Мантуанус (из Мантуи), Овидий Сульмонензис (из Сульмона), Катул Веронензис (из Вероны). «Альбинус» также означало «белильщик, штукатур».

Возможно, на мысль обрести фамилию «Альбинус» неизвестного ритора натолкнуло происхождение из местности «Белое», «Белая» и т. п., например, резиденция князей Радзивиллов в Бялой называлось «Альба дукалис». В Белоруссии много гидронимов с названием «Белое» — ряд озер в окрестностях Гродно, Лунина, Бешенкович и др. Могло также случиться, что употребляемое уже в XV в. название Белоруссии как Альба Руссия подсказало выбор слова «альбинус», уточняющего область Великого княжества Литовского, откуда ритор был родом. Знаменательно, что спустя 70 лет Соломон Рысинский, происходящий из окрестностей Полоцка, записался в Альтдорфский университет как «леукоруссус», т. е. белорус (леукос по-гречески — белый).

Как бы там ни было, загадкой остается предполагаемое соответствие наименований «Гусовский» и «Альбинус». Конечно, в Белоруссии много местностей, названия которых начинаются с «Уш, Гуш, Ущ, Гущ, Ус». Немало сел с таким названием в местностях, где есть «белые» озера, например, недалеко от озера Белое, куда впадает река Котра на Гродненщине, есть деревня Гущицы, близ Альбы дукалис расположены деревни Гуща, Гусинки и т. д. Источники гипотетического сочетания «Гусовский—Альбинус» надо объяснять не только родословной или капризами поэтического воображения, а скрытой от нас столетиями личной трагедией одаренного юноши, добывшего тяжелым трудом знания, позволившие ему завоевать признание ученых Болоньи. Юноша вынужден был придумать себе фамилию, но затем по неизвестным причинам решил «вымарать» случайное имя и назвать себя по-иному.

Некоторый свет на эти злоключения проливает личность одного из близких сотрудников епископа Эразма Телка — итальянского ученого Карла Антонио Бононского. Барыч не обратил внимания на близость Гусовского к болонскому ученому и неправ, утверждая, что поэт был в приятельских отношениях с королевским секретарем Альфием: в стихотворном обращении к Карлу Антонио, которого он назвал «старым и верным товари-

щем», поэт писал: «Едва ли захочет Альфий заступиться за незнакомого...» (108, 6), имея в виду свою просьбу представить королеве Боне поэму о зубре.

По замыслу Эразма Телка в Пултуске (севернее Варшавы) намечалось создать центр гуманистических наук (до XX в. сохранилась часть библиотеки Телка — около 50 книг по риторике, философии, истории). Телок пригласил многих ученых из Италии, большую часть из Болоньи. В их числе оказался Карл Антонио, который прибыл из Болоньи в 1504 г. на службу к епископу, в 1508 г. стал каноником, в 1515 г. был принят в состав плоцкой капитулы, с помощью Телка получил звание шляхтича и находился в Польше и позднее — в 1529—1537 гг.

Вполне вероятно, что Гусовский, будучи в Пултуске или Кракове, сошелся с Карлом Антонио и другими итальянцами из Болоньи, а около 1518 г. отправился в Болонский университет по их уговору и рекомендации. В Болонье он мог представить себя как Николай Альбинус Полонус-Литуанус.

В 1520 г. во время третьего своего посольства в Рим Телок со свитой следовал по обычному маршруту: Краков, Острава, Тревизо, Венеция, Болонья, Флоренция, Рим. В Болонье Телок мог, предположительно, выручить из тяжелого положения и взять к себе этого Николая Альбина, который был допущен в качестве лектора Болонского университета по циклу риторики, но не смог там обосноваться. По-видимому, для Гусовского Эразм Телок был не только покровителем, но и спасителем. Не случайно поэт писал в «Песне о зубре»: «...чтобы, однако, не пренебречь пожеланием того, кому всем наибольшим я обязан» (10, 25), а в обращении к королеве Боне — «...епископ Эразм мне, в то время своему слуге, внушил» (5). Слова «в то время» оттеняют мысль, что Гусовский не всегда был на службе у епископа, а попал в его свиту впервые в Италии. Причем термин «фамилиарис», к которому прибегнул Гусовский, чаще употреблялся в значении «приятель», «друг», «домочадец», чем в значении «слуга».

Одаренность и знания предполагаемого Гусовского могли быть доказаны уже в Болонье, где совет утвердил молодого «Литуануса» лектором, но, как видно, он не угодил деятелям университета. В среде ученых росла

предубежденность против юноши, который ценил свой личный опыт и наблюдения выше книжных истин. К такому выводу приходишь, когда вчитываешься в строки сочинений поэта, не скрывавшего своего граничащего с сарказмом отношения к авторитетам.

Гипотезу Г. Барыча можно развить и дополнить. И все же до сих пор нет точных данных о пребывании Гусовского именно в Болонье, не найдены также сведения о встречах Телка с Гусовским до Рима.

Так или иначе сохранившееся творческое наследие поэта говорит о его незаурядном таланте, независимом характере, самостоятельности в суждениях и незавидной судьбе. В выборе покровителя и друзей весьма показательны преданность Гусовского Телку и его связи с Карлом Антонио из Болоньи.

Присутствуя на бое быков в Риме в составе посольства, прибывшего из Польши, Гусовский, как свидетельствуют строки из поэмы, с увлечением и образно стал рассказывать об эпизодах охоты на зубров, участником которой был сам. Гусовский оказался замечательным рассказчиком. Епископ Телок предложил своему подопечному описать охоту на зубра. Для Гусовского такое предложение было неожиданным, но вместе с тем и лестным. Как показало время, он успешно справился с заданием, создав прекрасную поэму.

Чувство ответственности, опасение, хватит ли таланта, чтобы правдиво описать родную пущу, смешались у поэта с болью разлуки, с тоской по родине, с трогательными воспоминаниями о прошедших временах. Из-под пера лились вдохновенные строки, возникали чудесные картины далекого края, проносились в снежном вихре стада зубров, воздух наполнялся лаем собак и звуками охотничьих рогов. Но не только это волновало поэта, он проявил смелую самостоятельность в оценке миссии Телка. Гусовский думал о муках простого народа, страдавшего от самоуправства феодалов, междоусобиц и войн. Слагая «Песнь о зубре», он не забывал об основной цели пребывания посольства в Риме: добиться создания оплота против иноземных захватчиков, угрожавших родине. Гусовский возмущался равнодушием папского окружения к народным бедствиям и горю людей. Отсюда новизна и смелость мысли многих строк поэта. Во всяком случае, Телку не требовались столь

резкие философские и политические обобщения в обыкновенном описании охоты на зубра.

Находясь вдали от родины, Гусовский идеализировал прошлое своего народа, противопоставил современных князей своему кумиру, князю Витовту из Литвы, «суровому, но справедливому отцу народа». Витовт, по словам Гусовского, жестоко расправлялся с преступниками и лихоимцами независимо от их знатности и богатства, заботясь об укреплении законности, чистоте нравов, справедливости: их зашивали в звериные шкуры и живыми бросали на растерзание специально обученным псам. Этот вид наказания, описанный Гусовским, был не только волнующим рассказом о суровых нравах в родном крае, но и предупреждением всем, кто предавал интересы народа, в первую очередь светским и духовным властелинам Западной Европы.

По всей вероятности, епископ Телок, заказывая Гусовскому «кое-что о зубре» как дополнение к намеченному подарку папе Льву X, пожелавшему иметь чучело этого зверя, не ожидал такого рвения со стороны подопечного. Неизвестно, воспринял ли епископ с чувством удовлетворения, одобрил ли труд Гусовского. Вообще, нет сведений, была ли готовая поэма о зубре в руках ее «заказчика». Трудно сказать, какое впечатление произвели стихи Гусовского на сопровождавших Телка многочисленных членов посольства. Не удается пока выяснить, разбудил ли «заказ» поэтическое вдохновение Гусовского или оно зародилось в нем давно.

Книга Гусовского, изданная в 1523 г., содержала наряду с 1072 строками элегического гекзаметра «Песни о зубре» еще несколько небольших произведений. Особый интерес представляет стих, состоящий из 58 строк того же размера, с удивительным названием «На жертвоприношение черного быка, совершенное по настоянию некоего грека в Риме во время чумы»[6]. В 1522 г., когда поэт в составе посольства пребывал в Риме, там вспыхнула эпидемия чумы. Многие сановники бежали из города, и обезумевшие от ужаса жители в исступлении следовали за всякими «чудотворцами», обещавшими избавить население от бедствия. Одним из таких «пророков», призывавших возвратиться к языческим обрядам жертвоприношения животных, был грек Димитрий Спартакус. Его выступление заставило Гусовского взяться за перо.

Поэт не скрывал своего разочарования и отчаяния: город, призванный быть оплотом веры, образцом благочестия, хранителем заповедных обычаев, оказался покинутым, брошенным на произвол судьбы духовенством и знатью. Бесстыжие обманщики дурманили толпу колдовскими приемами вроде жертвоприношения черного быка с полуотсеченным рогом.

Однако черный бык упоминается только раз, все остальные строки стихотворения посвящены обличению легкомыслия граждан Рима, доказавших шаткость своей веры. Гусовский подчеркивает, что он как чужеземец не может смириться с упадком нравов в «вечном городе», где люди нуждаются в исцелении от нравственного разложения.

Поэт глубоко вникает в умонастроения верующих. Вера в доброе начало сталкивается с невежеством и затмением умов, безумством толпы перед лицом стихийного бедствия. Недоумение и упование, тревога и надежда, негодование и жалость — вот чувства, обуревавшие поэта.

В стихотворении «К божественному Севастиану *», единственном, написанном размером первой сапфической строфы (78 строк), поэт рисует трагизм и ужас, охвативший людей, пораженных страхом, несчастных и обездоленных, закрывшихся наглухо в домах, чтобы избежать соприкосновения с зачумленными, ярко рисует образы отцов, матерей и мужей, зажимающих рот своим близким, чтобы стон заболевших не привлек внимания городских стражей, юношей, истязающих себя бичеванием, девушек и женщин, забывших о красоте и приличии:

Вот безумный страх потушил надежды,
Воздух гонит мор на несчастных граждан,
В гроб полягут все, кто остался в крае,
Гибнет живое.
Много наших тел уж попало в ямы,
Чумный ветер сдул здесь в пещеры многих,
Бросил в Тибра глубь, подстегнув бежавших.
Всюду могилы!
Видишь мерзких лис, тех, что жрут нещадно
Виноград в садах, где поспели грозди?
Очи меркнут, кость будут грызть противно,
Зубы крючками.

---

* Согласно богословской традиции, был защитником от эпидемий.

Корм безумным псам. О, рассказ ужасен,
Пища птицам. Ах, замолчать мне надо!
Тыща разных бед навалилась, гложет
Каждая пыткой.

В бегстве топот ног и толпу чужую
Гонит призрак, смерть, а в сердцах лишь трепет,
Благочестья нет, хоронить упавших
Некому вовсе.

Кто заразы яд разнести захочет,
Сам уступит, чтоб попрощаться с жизнью,
Даст себя клыком раздирать звериным?
Смерть — не забава!

Весть о хвори в дом привлечет дозоры,
Не дано сполна заплатить противный
Долг судьбы, и вред принесут живому
Мертвого кости.

Дом во мраке скрыт и в печали узах
Выход запрещен и нельзя общаться;
Лишь с трудом в окно подается пища,
Скудная вовсе.

Здесь отец уста зажимает сыну,
Чтобы стон заглох, умирая в горле,
Плача, муж рукой у подруги шею
Давит со злобой.

Богачи одни попытались скрыться,
Мор напастью бьет по лачугам нищих,
Денег сила, что ль, оттеснит заразу,
Неба проклятье?

(104—105, 13—52)

Гусовский не только свидетель бедствия, он и сам подвержен опасности, тревожится о судьбе всего посольства и взывает к Севастиану с просьбой заступиться за несчастных римлян, а ему и его товарищам из далекой страны позволить вернуться невредимыми на родину. Однако в песне-мольбе наряду с покорной просьбой-молитвой слышатся гнев и возмущение, вызванные сознанием бессилия человеческого разума, не постигающего причин горя, не умеющего противостоять страшному бедствию, обрушившемуся на город. Поэт не говорит о кающихся грешниках, смиренно терпящих кару, а с горечью описывает невинных страдальцев; он недоумевает, за что обречены на муки младенцы, еще совсем не познавшие жизни. Это глубокое убеждение скорбящего поэта в несправедливости приговора неба выливается в протест против жестокости и безразличия божеств к судьбам людей. Мольба граничит с роптанием.

Видя солнца лик у творца вселенной,
Наше горе скрыть пожелаешь в тайне?
Слушать хочешь стон человечий всуе
И не ответишь? —

обращается поэт с вопросами к божественному Севастиану (104, 9—12).

В книгу, содержащую «Песнь о зубре» и изданную в 1523 г., включены еще два небольших стихотворения: «Молитва к св. Анне»[7] и «Слух, неожиданно зародившийся в церкви св. Лаврентия в Дамассе»[8]. Содержание этих произведений перекликается, с одной стороны, со стихами «К божественному Севастиану», с другой — с «Песней о зубре».

В «Молитве к св. Анне» (38 строк гекзаметром) Гусовский снова обращается к теме народного бедствия — чуме, поразившей «вечный город» Рим. Поэта потрясает картина страданий народа, перед которыми бессильны и святые и Анна, по представлениям верующих, мать девы Марии. И сознание беспомощности людей, равнодушия всемогущего к творящемуся злу рождает у Гусовского сомнение во всесилии веры. Отражением этого является передача в стихе атмосферы всеобщей паники. Разуверившись в помощи всевышнего, христиане стали отрекаться от своей веры и уповать на «заклинание черного быка с отпиленным рогом» (103, 21).

В стихотворении «Слух...» (12 строк элегическим гекзаметром) Гусовский, подобно тому как в конечных строках «Песни о зубре», обращается к папе Адриану VI с просьбой не медлить, вернуться в Рим. Поэт в тревоге и недоумении: глава христианской церкви, наместник бога на земле самоустраняется перед лицом двух важнейших, по мнению любого правоверного, событий. Верующие оставлены без пастыря тогда, когда их постигает стихийное бедствие и нападают земные враги — турецкие захватчики. Но в богословскую аргументацию вторгается и социальный мотив.

В «Песне о зубре» Гусовский содрогается перед «мерзким, постыдным временем», когда «несчастный народ терзают и христианские князья, превратившиеся в волков», и кровожадные иноземцы (46, 1058). Осуждая пороки своего времени, Гусовский вместе с тем резко отделяет себя от тех, кто примитивно истолковывает хри-

стианскую веру. Об этом говорят следующие строки из стихотворения «Слух...»:

Слухи ползут: на кресте кровоточит спасителя образ,
Хоть холоднее и суше его нигде не найти.
Гибельный призрак придуман народом в смятеньи жестоком.
Путь без разбору безумцам несчастным повсюду открыт...
Коль не наполнишь морским дуновеньем поспешно ветрила,
В небе не станет светил и исчезнет в пучине вода!

(103, 5—10)

Эти последние слова, обращенные к папе, звучат, как правильно определяет К. Баквис, почти саркастически [9].

Некоторое представление о жизненном пути и воззрениях Гусовского позволяют составить небольшие стихотворения, посвященные епископу Эразму Телку — покровителю поэта. Более подробные сведения, касающиеся епископа Телка, помогают делать выводы о судьбе поэта и тех кругах, в которых он вращался в период взлета своего творческого таланта.

Эразм Телок происходил из мелких мещан. Благодаря своим незаурядным способностям, даже не являясь дворянином, он занимал ряд высоких постов в польском государстве. Еще в 1494 г. великий князь литовский Александр заметил одаренность Э. Телка и принял его на службу в виленскую канцелярию. В Вильно Телок находился в течение шести лет и в 1501 г. по поручению князя отправился в Рим, где в дальнейшем побывал еще два раза как посол при папском дворе; там же умер от холеры в 1522 г.

Телок прекрасно владел ораторским искусством, покровительствовал многим ученым, поэтам, архитекторам. Среди друзей и подопечных Телка — деятели культуры XV—XVI вв.: испанский юрист Гарсиа Куадрос, итальянский врач и астроном Адам Гадиус, итальянский ученый Карл Антоний де Монтечинере (сохранилось стихотворение Гусовского, посвященное ему). Эразм Телок дружил с поэтом Каллимахом и поддерживал печатников Галлера и Унглера (последний содействовал Гусовскому в напечатании стихотворения «Ободрение пастырям»). К числу подопечных Телка наряду с Гусовским принадлежал Бернард Ваповский — летописец и географ родом с Украины. Телок пользовался уважением в кругах ученых. Так, итальянец Кларетти — препода-

ватель греческого языка в Краковском университете — посвятил ему свой перевод Лукиана, а ученый Филипп Converted Бореальд из Кельна — свой труд о землетрясениях[10].

У Телка были, однако, и недоброжелатели. К ним относились в первую очередь архиепископ Я. Лаский и стоящие близко к королевскому двору шляхетские поэты А. Кшицкий и Ст. Гурский. Они считали Телка недостойным почестей, характеризуя его как самоучку лютниста, случайно попавшего в милость к князю Александру и добившегося карьеры. Во время пребывания Телка в Риме польские недруги стали чернить его, попрекать плебейским происхождением, «рождением в обозе»[11]. Король Сигизмунд I послал ему письмо с порицанием за честолюбивую попытку стать кардиналом и отозвал в Польшу. Телок ослушался и не вернулся. Эти обстоятельства вдохновили Гусовского на стихотворение «Эразму Плоцкому утешение»[12]. Клеймя врагов и завистников своего покровителя, поэт вдохновенно писал:

Чувствую, ты, мой вожак, мой Эразмус, сколь тем огорчился,
Если приметы на лике печальном в обман не ввели,
Что повествует намедни письмо из далекой отчизны,
Как распаляются страсти враждебные против тебя.
Подлая зависть вражду разжигает и вместо награды
За добродетель твою клевета закипает и ложь.
Много открыто злословят и злобно грызут твою славу,
Имя тебе ведь снискали достоинство, доблестный труд.
Перенеси же бесстрастно, прошу, огорченья, утешься
Мыслью о том, что душевный покой есть счастливых удел.
Что клевета в правоте убежденному, сильному духом.
Кто возроптать не боится, когда за судьбою сам бог!
Разве не знаешь блаженства, ведь в Риме тебя превозносят,
Дела итог не награда ли за неоплатный твой труд?
Здесь ты прославился, так терпеливо взирай на невзгоды,
Если судьба не совсем озарила нелегкий твой путь.
Доблесть души закаляется мукой, страданьем крепчает,
Прочным становится дух, в гоненьях рождается мощь.
Те, кто слабеют, когда их снедает бесчестная зависть,
Разве добьются высот? Ведь не смогут ни шагу ступить.
Ты мне скажи, уже если томишься, кого из великих
Не истерзала завистников злобных кровавая пасть?
Вспомни о древних мужах и продумай минувшие годы,
В книгах читал ты, наверно, про тех, кого зависть сожгла.
Нет ведь достоинств без зависти, вместе по свету шагают.
Освободиться от зависти хочешь, то стань нечестивым.
Если, однако, идти предпочтешь по привычным дорогам,
То твоего лишь презренья достойной считай эту мразь.

(98—99, 1—28)

Благодарный Гусовский сделал и надпись на гробнице Телка в церкви Санта Мария дель пополо [13].

После смерти своего покровителя поэт остался без помощи и защиты. Он обратился к упомянутому выше Карлу Антонио с просьбой представить его «Песнь о зубре» секретарю королевы Боны Альфию и написал стихотворение «К высокочтимому Карлу Антонио Бононскому [14].

Умонастроение Гусовского в какой-то мере отражено в стихотворении, посвященном Яну Карнковскому [15], королевскому секретарю, также покровительствовавшему поэту. Из стихотворения следует, что Гусовский презирал подхалимов, лизоблюдов. Сам испытывая невзгоды в жизни, он сочувствовал другу, попавшему в опалу.

В 1524 г., через год после издания книги с поэмой о зубре, в краковском печатном дворе у И. Виетора вышло в свет небольшое сочинение Н. Гусовского, состоящее из 174 строк элегическим гекзаметром, воспевающее победу над турками [16]. По данным исследователей, это исключительно редкое издание сохранилось до нашего времени лишь в одном экземпляре. На обороте титульного листа значилось: «О победе светлейшего князя и государя Сигизмунда, божьей милостью короля Польши, Великого княжества Литовского, Руси, Пруссии и проч. над вторгнувшимися против ожидания всех турками, одержанной внезапно с помощью наспех собранного ополчения, песня Николая Гусовского, написанная столь же быстро». Этим подзаголовком автор, по-видимому, стремился подчеркнуть, при каких обстоятельствах он сочинил поэму. В ней шла речь об одном из набегов турецко-татарских полчищ на земли Польши, Руси и Литвы. Поэт нарисовал картину разгрома врага по свежим следам событий. Сам он не принимал участия в сражении и опирался на народную молву. Не вдаваясь в исторические факты, не упоминая имен полководцев и героев битвы, поэт заострил внимание на неожиданности победы, назвав ее «удивительным чудом», объясняя его не действием сверхъестественных сил, а мужеством и героизмом главного победителя — простого народа, самоотверженно защищавшего родной край от врага.

Отдельные отрывки поэмы написаны мастерски, в них образность и искренность, глубина восприятия. Осо-

бенно это относится к описанию народного горя и картине разгрома неприятеля. Пожалуй, наиболее впечатляюще переданы страдания простых людей, поколебавшие в них веру в справедливость, милосердие и могущество бога. От строк, в которых Гусовский противопоставляет веру и сомнения, рожденные действием зла и бессилием молитв, веет духом реализма, философского осмысления корней и пределов религиозных верований в народе. Вместе с тем, воспевая победу, поэт хотел вселить в читателя уважение к величию простых землепашцев, умеющих постоять за родные очаги.

Наряду с «Песней о зубре», «Победой над турками» перу Н. Гусовского принадлежит поэма «О жизни и деяниях божественного Иакинфа» (869 строк гекзаметром). Она издана в Кракове типографией И. Виетора в 1525 г. и сохранилась до нашего времени в трех экземплярах.

Посвящение князю Христофору Шидловецкому, предпосланное поэме, проливает свет на причины, побудившие Гусовского взяться за перо. Напомнив о междоусобицах XIII в., произволе князей, угнетавших своих подданных и ведущих захватнические войны, он пытался привлечь внимание современников к пагубным последствиям действий тех, от кого зависело благополучие государства. Вместе с тем поэт жаловался на трудности своей жизни, помешавшие ему подробнее раскрыть образ человека, способного выступить против равнодушия к злодеяниям. Он писал: «... не меня, а судьбу, которая уже давно меня преследует, надо обвинить в том, что я об этом муже [Иакинфе] так коротко поведал и из длинного ряда деяний отобрал лишь некоторые короткие. Божественный Иакинф вдохнул силу не столько своему времени, сколько потомкам. Ужасающий поворот событий наступил после его кончины. Князья, которые возглавляли тогда польский народ, столкнулись в жестокой междоусобице... Войны были до того губительны, что через год после смерти Иакинфа татары, надеясь на разлад у нас, разорили Сандомир, а к населению обширных районов проявили неслыханную жестокость...» [17]

Гусовский позаимствовал имя героя своей поэмы из популярной легенды об Иакинфе. Гусовский изобразил его как странника, путешествующего по землям Польши, Литвы и Руси, несущего народам близкие сердцу поэта идеи мира, человеколюбия, помогающего обез-

доленным. Как и подобало герою того времени, Иакинф из древнего рода; его родина — Ополе Вроцлавского прихода (местечко Камень), родился около 1183 г. Получил образование в Праге, Болонье, возможно, и в Париже, был причислен католической церковью к лику святых вскоре после смерти (1257). Гусовский не случайно ошибся, как считает исследователь И. Пельчар, обвинив предков в забвении заслуг Иакинфа, а преднамеренно сгустил краски при освещении этого вопроса. Вполне в духе гуманистической традиции поэт создает образ личности достойной, добродетельной, самоотверженно отстаивающей свои идеалы для того, чтобы на их фоне обнажить низость, эгоизм, растление власть имущих и духовенства. Вполне возможно, что в определении Иакинфа как «пророка, не признанного у себя на родине», немалую роль сыграла и личная судьба поэта.

До Гусовского биографию Иакинфа описал прозой краковский монах Станислав еще в XIV в., а в 1517 г. историк Альберт Леандр, пользуясь рукописями Станислава, включил в книгу «О знаменитых мужах» описание жизни Иакинфа.

Эти два источника послужили Гусовскому основным материалом для написания поэмы. Ни у Станислава, ни у Альберта Леандра нет, однако, подробностей о пребывании Иакинфа на Руси. Очевидно, Гусовский пользовался еще какими-то источниками. Это, возможно, были, как полагает И. Пельчар, русские книги.

Действительно, автор поэмы пишет, что во время пребывания Иакинфа в Киеве русскому народу угрожал «ужасный враг». Это были, безусловно, татарские полчища, набеги которых разоряли страну. Сведения об этом Гусовский мог почерпнуть из русских книг, в дальнейшем утерянных.

В Ипатьевской, Лаврентьевской и других сохранившихся летописях, в списках «Задонщины», в «Слове о полку Игореве» нет упоминаний про Иакинфа, но Гусовский ссылается на надежные книги, из которых «кто захочет, сможет» узнать о судьбе Киева и пребывании Иакинфа на Руси. Такие сведения появились спустя 50 лет после смерти Гусовского, но без указания источника.

В поэме об Иакинфе можно найти отражение общего духа и идей русских летописей и «Слова о полку Иго-

реве», именно здесь говорится о том, что странник обошел многие земли после того, как он переправился на правый берег Вислы. Несмотря на междоусобицы, разгоревшиеся в это время, русские земли объединяла, по мнению Гусовского, общая культура и интересы борьбы против татарских грабителей.

Гуманистическую направленность творчества и жизненную позицию Гусовского хорошо передает в поэме трактовка образа Иакинфа как скромного и самоотверженного в служении людям. В четверостишии, предпосланном поэме, он так определяет смысл и значение такого поведения: «... не удивляюсь, простые ступени к высотам ведут...» (56, 4).

При жизни Гусовского над страной нависла угроза разорения: набеги татар, ставших вассалами турецкой империи, беспрестанно тревожили окраины. Ожидалось нашествие крупных полчищ султана. Перед лицом этой опасности необходимы были единство, сплочение всех сил. Однако господствующие сословия проявляли крайнюю беспечность. Дела, связанные с обороной, велись бездумно и беззаботно. И Гусовский забил тревогу: на примере Иакинфа он пытался показать борьбу добродетели с пороками. Истоки добродетели — это, по его мнению, обычаи и нравы народов, испокон веков населявших страну, а пороки вытекали из распрей и раздоров между вельможами в их стремлении к власти и влиянию в государстве. Осложнением, по мнению Гусовского, грозившим подорвать единство народа, были отголоски учения Лютера, которые проникали из соседней Германии.

Согласно исследователю И. Пельчару, в первых четырехстах строках поэмы Гусовский описывает чудеса, свершенные Иакинфом, а остальные посвящает критике лютеровского учения. Такое разделение нам представляется надуманным: может сложиться впечатление, что поэт превозносил Иакинфа как поборника католицизма, а учение Лютера он заклеймил как враждебное лишь римскому престолу. В действительности же позиция и замысел Гусовского гораздо шире. Он внушает мысль, что враги — это лицемеры, ханжи, корыстолюбцы. Таких можно найти среди мнимо благочестивых приверженцев любой веры, они готовы вцепиться друг другу в горло ради своих эгоистических интересов. Не Лютер с его учением сам по себе, а те, кто оказал ему поддержку, вы-

зывали у поэта опасения. Он видел опасность разгула и произвола магнатов — союзников Лютера, казнями и пытками запугивавших сограждан.

Однако автор далек от решительного социального протеста. Ведущая идея Гусовского в поэме об Иакинфе заключается в том, что несчастные голодные, нищие должны уповать на чудесную милость бога, проявляющуюся в деятельности людей, подобных Иакинфу, а могущественным и богатым не следует опираться на грубую силу. Необходимо учитывать, что во времена Гусовского в Речи Посполитой движение крестьян и городской бедноты только лишь зарождалось.

Восприняв гуманистический образ мыслей, Гусовский не переставал думать о путях улучшения нравов пастырей в рамках существующей церкви и господствующей религии. Сочинения Гусовского замалчивались церковниками, так как от них веяло духом равнодушия к богословской схоластике.

В этом отношении характерно стихотворение Н. Гусовского «Поучение пастырям», которое было помещено в книге «Ежедневные наставления для Краковской епархии на 1534 год», напечатанной краковским типографом Флорианом Унглером в 1533 г.:

Умной заботой овец пастухам охранять неусыпно,
Чтобы овчарню Христа не растерзал сикский волк *.
Стадо храните, которое в их же крови он купает,
Чтобы вас не прельстил низменной шерсти соблазн.
Тех покарайте, кто зол, тех наградите, кто честен.
Надо же каждому дать то, что себе заслужил.
Но берегись, чтоб тебя не обжег мерзкий запах из рога,
Стричь ты когда пожелал этих овечек руно.
Следует так поучать и путь соблюдать необманный,
Чтобы со стадом тебе, злой, не погибнуть, пастух.

(110, 1—10)

Кроме приведенных сочинений перу Гусовского принадлежит четверостишие, включенное в качестве обращения к читателю в книгу итальянского гуманиста XV в. Аврелия Брандолини «О страстях господних», переизданную в Пултуске в 1533 г. Поэт высказал свое мнение о силе воздействия литературных произведений: они побуждают читателя взглянуть со стороны на свою жизнь, беспристрастно судить о личных успехах и неудачах.

* Поэт имеет в виду преисподнюю.

Кто захотел бы подняться в ангелов сонм после смерти,
Пусть прочитает сей труд, взвесит усердно умом.
Хоть человек будет тверже, чем сталь, он сейчас же растает,
Слезы печали прольет, жизнь вспоминая свою.
(109, 1—4)

Характерно, что фамилия поэта в указанных произведениях передается несколько по-иному: если в изданиях 1523—1525 гг. латинское написание фамилии начинается с латинской буквы «H», которая по-русски обычно произносится «Г», а в белорусском языке воспроизводится, подобно латинскому и польскому, с придыханием, то в книгах 1533 г. напечатано «Усовиус». Такое звучание фамилии поэта, как пишет исследователь Ю. Калленбах, «подтверждает его белорусское происхождение: полно названий «Усов» на Немане, в Вилейском, Дисненском, Мозырском уездах, в Налибоках» [18].

Можно полагать, что в первый период творчества, когда поэт находился в кругу дипломатов, его имя подвергалось латинской стилизации, в дальнейшем же, оставшись без покровителей, он подписывал сочинения именем в различном звучании. Факт о неустановленном написании фамилии поэта — свидетельство его недворянского происхождения.

Наконец, в рукописном экземпляре сочинений польского поэта XVI в. А. Кшицкого, как сообщает И. Пельчар [19], имеется еще одно четверостишие, приписываемое Н. Гусовскому:

В крестном мученьи распятый: «Покайтесь,— напоминаю,—
В ваших злодействах!» Не все тем же бывать временам.
Мстителем буду жестоким, теперь же прощением щедрый.
Смерть торопливо грядет, жив ты пока, берегись!
(110, 1—4)

Этим исчерпываются дошедшие до нас сочинения Николая Гусовского. Остается открытым вопрос о периодизации его творчества. Обычно она помогает разобраться в замыслах писателя, в обстоятельствах, благоприятствующих возникновению отдельных произведений.

В связи с тем что первые из сохранившихся стихов Гусовского были написаны в Риме, а последние в Кракове, можно говорить о римском и краковском периодах его творчества. В. И. Дорошкевич утверждает, что Эразм

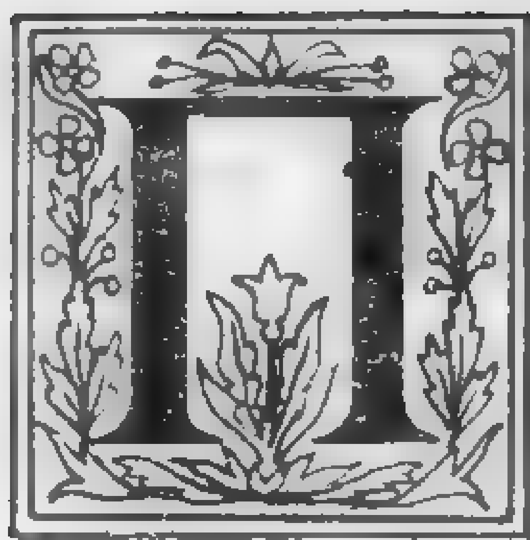
телок «поручил реализацию заказа папы Льва X уже искушенному поэту латинисту», и на этом основании различает еще белорусско-польский период творчества поэта. Критик считает «единственным свидетельством признание Гусовского в написании эпитафии на смерть некоего Лаврентия»[20]. Слова поэта о надписи на могиле, кстати, Лаврина, а не Лаврентия, истолкованы ошибочно: Гусовский вспоминает не о том, что он сочинил надпись, а что случай с Лаврином, незадачливым охотником, произошел при нем, в его присутствии.

Поэтическое дарование Гусовского расцвело в Риме. Этому благоприятствовали гуманистическая среда на родине Ренессанса, а также особое стечение обстоятельств: пожелание Льва X узнать подробности о зубре, просьба покровителя и друзей написать об охоте, а главное — разбуженное в нем чувство тоски по родине, глубокое сознание ответственности за полученное задание. В дальнейшем Гусовский не выпускал перо из рук, он вдохновлялся стремлением раскрыть глаза читателям на бедствия простого народа, вызванные войнами и общественной несправедливостью. Из Рима поэт обращался к иноземцам, из Кракова — к соотечественникам.

ИСТОКИ ПОЭЗИИ

Равны в искусстве своем стрел
и письмен мастера.

Н. Гусовский

роизрастание наиболее ценного зерна, как известно, зависит от почвы, на которой оно было посеяно, и от условий, благоприятствующих его росту. По мнению Е. Круковского, автор «Песни о зубре» вынужден был обратиться к образцам, в частности к описанию охоты, чтобы помочь своей музе. Самобытность и своеобразие таланта Гусовского говорят о том, что поэт черпал вдохновение и следовал не тем образцам, которые назвал Е. Круковский [1]. По мнению критика, источником для Гусовского могли служить только древние дидактические поэмы об охоте и современные поэту стихи новолатинских, итальянских писателей из окружения любителя охоты папы Льва X и из неаполитанской академии. К первым относились современник Овидия Фалиск Граций и поэт III в. Марк Немезиан; из новолатинских Е. Круковский назвал поэтов Строцци, Адриано да Корнето и Сильвестри. Критик нашел, что поэзия Грация получила у Гусовского большее отражение, чем новолатинских писателей, и остановился в основном на этом поэте. Именно у него исследователь обнаружил прототип некоторых концепций Гусовского, хотя и признал, что найденная Я. Саннадзаро во Франции рукопись была опубликована лишь в 1534 г., т. е. через 12 лет после отъезда Гусовского из Рима и через 11 лет после издания поэмы о зубре в Кракове. «Это не повод,— полагает критик,— для того, чтобы сделать заключение, что наш поэт не знал Грация, так как Саннадзаро привез ее еще в 1502 г. в Рим» [2].

Е. Круковский, утверждая, что он стремится показать оригинальность поэмы о зубре, выявил лишь четыре момента, сближающих Гусовского с Грацием: 1) вос-

хваление искусства охоты, 2) упоминание о Диане, 3) особенность охоты на зубра, 4) прославление Витовта как устроителя охоты [3].

Критик убежден, что, начиная с 387-й строки «Песни о зубре» и до конца поэмы, Гусовский руководствовался сочинением «Кинегетикон» Грация. Гусовский писал: «Все ж остается воспеть, прибегая к какому искусству, зверя возможно ловить...» (23, 387). Е. Круковский сопоставил эти слова с первой строкой «Кинегетикона»: «Пою дар богов — отрадное искусство для охотящихся» [4] и заключил, что мысли поэтов совпадают, так как оба сообщают о содержании своих поэм. Дальше, согласно Е. Круковскому, у Гусовского и Грация перекликаются слова из обращения к Диане. Грацию принадлежат стихи: «С твоим именем на устах привлекали людей: божественные подруги, все из рощ, все обмытые в источниках Наиды, и Фавн, обитатель прелестной Латии, и аркадский мальчик Пан, и усмирительница львов Кибела, и веселящийся на непроторенных дорогах Сильван» [5]. Разбор, однако, выявляет глубокое различие во взглядах Гусовского и Грация. В «Песне о зубре» говорится:

Брось колебанья! Начать ли рассказ об охотнице Диане,
Или одну из подруг, спутниц ее описать?
Можно ли мне воспевать здесь изогнутый лук Аполлона,
Кровь пораженных зверей острой стрелой иль копьем?
В пользу Юпитера песню охотно пою и Юноны,
Хоть почитаю Христа и милосердную мать.
(24, 401—406)

Следует подчеркнуть, что «колебания» поэта, некую робость вызывали бытующие в Белоруссии народные поверья и предания об охоте и повадках животных. Он решился все же оставить в песне то, что ему «пришлось в пуще родной испытать». Кроме того, сомнение, отразившееся в словах «можно ли», непосредственно указывает на несогласие Гусовского с современными ему открывателями древних текстов, пытающимися во всем подражать римлянам. Поэт пишет:

Мне не дозволено смешивать с делом правдивым преданья.
Пусть мне сказать разрешат кратким простым языком
Те, кто от правды далек, необычному верить готовы,
Древних питая обман, силясь небылицу петь.
(24, 407—410)

Вызывают сомнение и другие элементы композиционного сопоставления дидактической латинской поэзии и поэмы Гусовского. Несмотря на то что поэт уступает требованиям и вкусам протектора епископа Телка, который «только лишь то принимает своим достоинством светлым, что духовенству к лицу, что подобает читать» (24, 413—414), он не может отказаться от упоминания некоторых удивительных явлений, связанных с охотой на родине: и то, что с зубром принято бороться в открытом бою, и то, что глухариное мясо питает тело и ум. Все это, как и прекрасные описания природных богатств, не заимствовано, не является подражанием древним и новолатинским поэтам и писателям, а представляет собой пережитое поэтом, близкое его сердцу.

Чтобы доказать, что Гусовский черпал из латинской дидактической поэзии свои мысли о различных приемах охоты на зверей — в открытом бою и путем применения засад и ловушек,— Е. Круковский привел ряд строк из «Кинегетикона»: «Сначала вся надежда была на оружье и безрассудные люди только храбростью покоряли леса, вся их жизнь была полна неуверенности»[6]; «охотники учились пользоваться различными приемами, и тогда ярость уступила мастерству»[7]; «богиня приказала, чтобы Деокилос сделал свое искусство (ловлю зверей.— *Я. П.*) доступным и ценным для всех людей»[8]; «хитрость, используя повадки зверей, готовит ловушки»[9].

Наконец, возвеличение Гусовским Витовта перекликается, по мнению Е. Круковского, с восхвалением у Грация Деокилоса аркадского, якобы изобретшего ловецкие сети, и Агнора боэтского, который якобы первый использовал гончих собак[10].

Характеризуя Гусовского как начинающего стихотворца и неопытного подражателя, Е. Круковский недооценивает в его творчестве то, что выработано заботами и трудной жизнью в пуще, отражает уважение к храбрости в сочетании с разумом. По его мнению, «необходимость опираться на такие образцы... является делом более чем естественным, особенно для гуманиста»[11]. Польский литературовед хотел бы видеть у Гусовского такие же взгляды на развитие искусства охоты, какие возникли у римского поэта, а именно: «...Диана и Разум, дав смертным вместо простой храбрости науку, подняли таким образом человеческую культуру на высший уро-

вень: искусство взамен применения насилья» [12]. Гусовский был далек от таких отвлеченных обобщений, он вполне реалистически различал у своих соотечественников мужество и смекалку.

Как предполагает Е. Круковский, «не исключено, что у пребывавшего в Риме Гусовского была возможность пользоваться какой-либо копией Грация, с другой стороны, вероятно, также общение с группой новолатинских поэтов...» [13] На наш взгляд, более правдоподобно, что автор поэмы о зубре мог черпать не только из того, что забавляло придворных папы Льва X, но и из творений Данте, Петрарки, Бокаччо, которыми восторгались светлые умы того времени. Гениальные творения Данте были в XV в. изданы 15 раз, а сам папа Лев X сделал попытку перенести прах Данте, который прежде собирались сжечь как прах еретика, из Равенны во Флоренцию. Это произошло в 1519 г., во время пребывания Гусовского в Риме. Можно себе представить, какие слухи распространились по стране, когда обнаружили, что гробница церкви Сан Петро Маджоре пуста.

Сочинения Данте по духу соответствовали настроениям и намерениям Гусовского, они ближе затрагивали его чаяния, чем дидактическая поэзия. Эта «дантовская» сторона творчества поэта оттолкнула от него любителей развлекательного стихотворчества и, возможно, была одной из причин того, что поэт впал в немилость, хотя сам он считал причиной своих неудач смерть папы и протектора Телка.

В стихотворении «Утешение...», написанном в Риме и посвященном защите Телка от нападок его противников, есть слова, проливающие свет на близость источников вдохновения Гусовского к произведениям Данте. Обращаясь к епископу, поэт говорит:

Те, кто слабеют, когда их снедает бесчестная зависть,
Разве добьются высот?..
...Кого из великих
Не истерзала завистников злобных кровавая пасть?
Вспомни о древних мужах и продумай минувшие годы,
В книгах читал ты, наверно, про тех, кого зависть сожгла.
(99, 10—15)

Данте, как известно, клеймил зависть и злобу политических противников: в шестой песне «Ада» он, напри-

мер, вкладывает в уста флорентийца Чакко слова: «Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах три жгучих искры, что вовек не дремлют» [14].

Дух и настроение стихотворения Гусовского во многом близки терцинам Данте. Первый завершил свое «Утешение...» советом, как относиться к завистникам и клеветникам:

Если, однако, идти предпочтешь по привычным дорогам,
То твоего лишь презренья достойной считай эту мразь.
(99, 27—28)

Вергилий, проводник Данте по аду, на вопрос, за что подвергаются мукам грешники, ответил:

...«То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел» [15].

И далее, как пишет Данте, Вергилий продолжал:

«Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!» [16]

Поэтический замысел Гусовского далеко выходил за рамки описания охоты, подобно тому как замысел Данте не заключался в описании мук, испытываемых грешниками в аду. Нет никаких данных о том, держал ли автор поэмы о зубре в руках сочинения Данте. Переводов «Божественной комедии» на другие языки в первой четверти XVI в. еще не было, хотя уже появлялись комментарии к ней. Было бы удивительно, если бы поэт, находившийся в Италии около трех лет, не услышал хотя бы в разговорах об этом замечательном произведении. Во всяком случае, не дидактическая поэзия, а такие сочинения, как «Божественная комедия» или сонеты Петрарки, обогащали воображение, способствовали раздумьям Гусовского о людях и их судьбах.

Итак, великий итальянский поэт следовал от преддверия вымышленного ада к вожделенному эмпирею. Гусовскому этот путь навевал другие мысли. Описывая земную жизнь в родном крае — крае пущ и озер, поэт говорит читателю о тех бедствиях, которые порождены нашествием жестокого врага, создавшего на захваченных им землях сущий ад. И если в конце своей поэмы в 37

строчках Данте взывает к деве Марии, чтобы она развеяла перед человеком последнюю преграду телесной мглы своей мольбой о нем и высшую раскрыла ему Отраду [17], то Гусовский просит деву Марию в 46 строках, завершающих поэму, «вернуть земным владыкам здравый рассудок, чтобы они соблюдали, а не пренебрегали своими обязанностями» (46, 1055—1056).

Создавая грандиозную картину жизни, Данте бичевал пороки людей, связал в единое целое историю, мифологию и богословие. Преследуя эту же цель, но в пределах своей темы, Гусовский видел источники несчастий, обрушившихся на родину и угрожавших всему миру, в эгоизме власть имущих, в человеконенавистничестве захватчиков.

Несмотря на коренные различия в масштабе, замысле, направленности, композиции и повествовании о личных судьбах, обоих писателей роднит чувство озабоченности за будущее человечества. Как и Данте, Гусовский берется за перо, чтобы описать удачи и невзгоды, испытываемые людьми в жизни; он показывает, какие преграды громоздятся на пути к миру и счастью.

Земную жизнь пройдя до половины,
   Я очутился в сумрачном лесу,
   Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
   Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
   Чей давний ужас в памяти несу!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
   Но, благо в нем обретши навсегда,
   Скажу про все, что видел в этой чаще.
Не помню сам, как я вошел туда,
   Настолько сон меня опутал ложью,
   Когда я сбился с верного следа [18].

Этими словами Данте начинает первую песнь своего «Ада». Поэт, погруженный в сновидения, мыслит о лесе заблуждений человеческой жизни, он сам сбивается с пути, не помнит, как начал продвигаться к познанию, и, обретши это благо, стремится поведать о нем людям. Этой аллегории созвучно воспоминание Гусовского о действительно пережитом им, размышление о превратностях судьбы, которая лишила его счастливой доли на далекой родине. «Готовлюсь углубиться в бора глухомань...— писал он в начале поэмы (10, 46).— В лесной

чаще я потерял никогда невозвратимое время... Пусть погибает, нельзя ведь навязать законы року...» (13, 101, 103). И, как Данте во сне по неземному царству, Гусовский мысленно пускается в путь по родной пуще.

У Гусовского, подобно тому как у Данте, героем поэмы является сам рассказчик. Отдельные эпизоды не изменяют хода повествования, они начинаются и кончаются воспоминаниями и откровенными рассуждениями самого автора. Как и Данте, Гусовский не ставил перед собой цель вызвать у читателя восхищение и наслаждение, он стремился поразить его воображение описанием отечества, чтобы показать устои общественной и личной жизни. Гусовский писал: «Если, читатель, стремишься к наслаждению, если ищешь приятное, знай, что на этом поле бесплодном нет совсем цветов» (75, 417).

Лирический тон, выделение особого места для своего «я» в описываемых событиях и явлениях сближают замыслы Гусовского и Данте. Автор «Божественной комедии», впервые писавший на народном итальянском языке, ставит себя рядом с Вергилием и древними поэтами Греции и Рима, а белорусский гуманист, создавший «Песнь о зубре» на латинском, скромно заявляет, что он не равен римским писателям. Но Гусовский вслед за Данте не ставит перед собою цель соперничать с классическим искусством, он не подражает ему, а прокладывает путь к новому восприятию действительности. Путь Гусовского отличается от пути Данте: это видно из сопоставления взглядов поэтов на религию. Данте полностью принимает систему христианского вероучения. Отношение Гусовского более сложное. Так, в отличие от Данте, поместившего в преддверии ада тех, «кто жил до христианского ученья» и «бога чтил не так, как мы должны»[19], Гусовский высказал собственное суждение о нехристианских верованиях: «не только религия турок, евреев останется прежней, ...но и христиане вернутся к язычеству, ...если учение Христа не будет понято» (88, 580—584). Так что для автора поэмы об Иакинфе «переход вселенной к христианству» не является необратимым процессом, все зависит от действенного укрепления морально-этических основ в жизни отдельных людей и целых народов, а не от распространения церковных догм. Не святая троица, не святой дух, не чудеса, описываемые

в Библии, а борьба между церквами, нравы, господствующие среди духовенства, приковывают внимание Гусовского. Проблема веры в бога оказывается у него обусловленной человеческой деятельностью.

Истоки религиозности поэта следует искать не в доверии к церковным догмам. Вера в бога, упование на Христа отождествляются им с мечтой о справедливости. По его мнению, именно такие чаяния коренились в сердцах народа испокон веков. В христианской церкви он хочет видеть реальную силу, могущую противостоять как иноземным захватчикам, так и алчным, ненасытным феодалам, которых он называет, подобно Данте[20], «пастырями, превратившимися в волков» (91, 681—682). Гусовский был далек от преклонения перед римским папой как перед земным наместником Христа. Об этом свидетельствует ряд мест из его сочинений.

В обращении к королеве Боне Гусовский охарактеризовал несколько иронически папу Льва X, в «витьеватой речи» уговаривавшего польского посла Эразма доставить ему в Рим чучело зубра. По-видимому, поэту было известно, что этого первосвященника недолюбливали в Италии за чванство, разгул, обжорство. В самой поэме о зубре, там, где говорится об обстоятельствах ее возникновения, папа не упоминается, его авторитет был невысок в глазах автора.

В последних строках поэмы о зубре Гусовский прозрачно намекает на алчность и лицемерие римского престола. Такой смысл имеют следующие слова поэта: «Тот, кто по праву некупленной чести был удостоен... пусть попытается такого жреца из себя подготовить, в коем нуждается мерзкий ужасный сей век» (47, 1069—1072). Исследователь К. Баквис определяет содержание этих строк как «неожиданную мысль, язвительную («скрежет») в адрес папы»[21]. И. Пельчар оставляет в тени этот выпад поэта, нашедшего в себе смелость наставлять самого папу и усомнившегося в готовности церковного властелина защитить народы от бедствий. Гусовский стремится убедить князя Шидловецкого стать его единомышленником в критических суждениях о папстве и в возвеличении Иакинфа.

Недоверчивое, неодобрительное отношение к римскому престолу отражает сочувствие Гусовского бурлящему в недрах итальянского общества негодованию против

корыстолюбивого духовенства. Эти настроения подогревались такими обличителями папства, как Данте и Петрарка. В «Божественной комедии» с особой силой звучат строки:

Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.
. . . .
Сребро и злато — ныне бог для вас[22].

Несколькими годами позже Петрарка поносил папскую столицу: «Пламя небес пусть падет на твои косы, омерзительная блудница, которая, не питаясь скромно желудями и речной водой, возвеличивается и богатеет, обедняя других» (сонет XII). Гусовский съязвил относительно «неподкупности» папы Адриана VI, вероятно, потому, что проникся антипапской традицией Данте и Петрарки. Известно, что на надгробии этого папы была высечена надпись: «Здесь покоится неблагочестивый между двумя благочестивыми», т. е. между двумя Пиями (Пий по-латыни — благочестивый). Наряду со следами древнего величия и славы поэт видел в Риме отступление от основ веры, растление.

Петрарка в свое время сорвал маску святости с римского престола: «Когда-то Рим, теперь Вавилон лживый и грешный...» (сонет XVII). Гусовский с возмущением обличал легкомысленность граждан Рима, которые у него на глазах принесли в жертву черного быка, разуверившись в помощи Христа и девы Марии:

Рухнула наша надежда, что стойко отвергнешь пороки...
Разве заклятия древних быков тебя пошатнули...
Значит, не думаешь больше о помощи неба и Спаса,
Ложны заветы религии нашей, а вера — обман?

(100, 11; 101, 45, 49—50)

Подобно Данте, Гусовский обращается к библейским сказаниям, но толкует их своеобразно. В «Божественной комедии» говорится об обрушившихся переходах на дорогах преисподней во время землетрясения, согласно библейской легенде, происшедшего в час смерти Христа. Об этом же с большим мастерством пишет автор поэмы об Иакинфе:

Солнце затмилось, земля задрожала и с грохотом страшным
Горы обрушились, треснули скалы высокие с громом,
Твердые камни расплавились.

(94, 790—792)

Смерть Христа, вызвавшая землетрясение даже в аду, не изменила, по представлению Данте, кровавого, кипящего потока, в котором варились тираны, продолжала кипеть смола, куда бесы бросали мздоимцев. Итальянский поэт грозил людям ужасной карой за злодеяния, но расшатывал церковную догму об искуплении Христом грехов человечества: вопреки богословской традиции он писал, что Христос вывел из ада праведников и оставил в лимбе мудрецов. Гусовский противопоставил муки и смерть Христа, потрясшие даже камни, роптанию, нареканию людей, не умеющих сохранить веру в лучшее будущее. Данте предвидит блаженство лишь в загробном мире, Гусовский верит, что «лучшее все же наступит, когда прекратятся обманы, время придет: отречемся от дел, что нас душат нещадно» (95, 819—820).

Как далеки эти убеждения поэта от вменяемых ему К. Баквисом мыслей, что тот якобы требует от приверженцев Лютера чудес и тогда готов поверить их учениям[23]. Нет, Гусовский не ждет чудес, а призывает отстоять справедливость, воспитывать в людях честность и бескорыстие. Истерзанный болезнью, он находит в себе силы «бездумие оспорить», выступить против преступных действий власть имущих и их приспешников. Мысль о лучшем будущем вырвала у него из глубины сердца слова о себе: «...он это сделал, увидев необходимость руку больную заставить потрогать тревожные струны» (95, 822). Гусовского тревожит и забвение нравов предков. Мотив личного отношения поэта к событиям века напоминает личные переживания Данте, который вспомнил, как, будучи придворным советником, мог оступиться и не был бы вправе изобличать пороки других[24]. Данте становится обличителем тех, кто пребывает в загробном мире, наказывает грешников руками неземных существ, а Гусовский упрекает в земной жизни королей, князей, высшее духовенство за то, что они разобщены в борьбе против «мерзкого, ужасного сего времени» (47, 1072).

Гусовский не одобряет насильственных действий фанатиков, он клеймит «гибельные предрассудки крикливой толпы на распутье, где умолкают и лучшие люди

под грубым насильем» (90, 671—672). К. Баквис толкует эти строки как свидетельство отсутствия демократизма у поэта. В действительности же Гусовский выступает против тех, кто, прикрываясь религиозными предписаниями, истязает собратьев, творит произвол и беззаконие.

Данте противопоставляет дохристианскую и христианскую религии. Гусовский в связи с выступлением Лютера, критикующего папство, взвешивает, какое из противоборствующих течений более отвечает духу времени, и приходит к выводу, что только та религия хороша, которая укрепляет в большей степени нравственность, отстаивает справедливость и бескорыстное служение пастырей народу.

Можно привести и отдельные образы, навеянные Данте в подходе Гусовского к восприятию мира. Так, образ матери, спасающей дитя из пламени, созданный Данте [25], стоял и перед Гусовским, когда он изобразил мать, поднимавшую упавшего ребенка (46, 1047). В стихе «К божественному Севастиану» возмущенное недоумение поэта, за что подвергаются мукам невинные младенцы, тоже напоминает слова Данте: «За что детей вести на крест неправый!» [26] Необходимо подчеркнуть, что отзвук философской концепции Данте в словах автора поэмы об Иакинфе «Плод развивается спелый из семени, нужно лишь время» (87, 563) проникнут оптимизмом, верой в силу человеческого духа, стремящегося к совершенству. Высказывание Данте отмечает эту же истину: «Цвет доброй воли в смертном сердце жив» [27]. У Данте, однако, преобладают нотки отчаяния и горечи:

...Но ливней беспрестанные потоки
Родят уродцев из хороших слив.
Одни младенцы слушают уроки
Добра и веры, чтоб забыть вполне
Их смысл скорей, чем опушатся щеки.
Кто, лепеча, о постном помнил дне,
Вкушает языком, возросшим в силе,
Любую пищу при любой луне.
Иной из тех, что, лепеча, любили
И чтили мать,— владея речью, рад
Ее увидеть поскорей в могиле [28].

Возмущение недостойным отношением к матери божьей со стороны лютеран Гусовский распространил на

тех, кто не уважает мать-родительницу, и воспел в ее честь гимн:

Даже народы, не зная христовой науки о деве,
Матери все же обеты, молитвы свои направляли,
Помощь у матери в слове и мыслях своих находили.
Грозную мать, к изумлению дьявола, ад призывает,
Силу ее признает, перед мощью ее содрогаясь.
Козни людских неудач милосердная мать исправляет.
Кажется, нет человека, которого мать не жалеет.

(84, 454—460)

До Гусовского редко какой поэт признавал испытываемые им трудности в поисках слов для выражения своих мыслей и пользовался этим приемом воздействия на фантазию читателя. Так, великий Данте воскликнул:

Кто мог бы, даже вольными словами,
Поведать, сколько б он ни повторял,
Всю кровь и раны, виденные нами?
Любой язык, наверно бы, сплошал:
Объем рассудка нашего и речи,
Чтобы вместить так много, слишком мал [29].

Гусовский, рассказывая о неистовствах разъяренного зубра, закончил: «Словом никак не смогу высказать это моим» (32, 626). И ниже:

Если бы я захотел описать поподробней событья,
Или же все про мощь чудища дальней Литвы,
Вряд ли конец появился где-либо словам и рассказам;
Трудно представить, какой книга была б толщины.

(33, 655—658)

Данте было нелегко описать «увиденное» им и продуманное в «неземных странствиях», показать бездну горя, грязи, подлости, разверзшуюся перед ним в аду; Гусовский предупреждал, что он вместил в своих стихах лишь маленькую долю нахлынувших на него воспоминаний о жизни, радостях и бедствиях своей родины, о низменных побуждениях ее врагов и лжесоюзников.

Данте первым из плеяды великих художников средневековья заговорил с итальянским народом на его родном языке об удручающих человечество пороках и страданиях; Гусовский, проникшись дантовским гуманизмом, первым на доступном всем деятелям и мыслителям свое-

го времени языке талантливо раскрыл красоту своей родины, мужество и человеколюбие соотечественников, призвал людей объединиться против произвола и насилия, царящих в феодальном обществе.

Нет, нельзя ограничиться утверждением о подражании Гусовского дидактической поэзии. В стихах поэта — острое восприятие жизни, меткие наблюдения, волнующие читателя размышления.

Находясь в Италии, Гусовский глубоко проникся идеями гуманистической литературы. Гений таких творцов, как Данте, Петрарка, вдохновил поэта на переосмысление явлений и событий окружающего мира. Поэтическое мастерство великих художников слова разбудило в нем страстное желание воспеть судьбу родного народа, помогло наполнить глубоким смыслом потрясающие реализмом художественные образы, увиденные в жизни.

Пребывание в Италии было для Гусовского замечательной школой в области литературы, философии, поэтики.

На чужбине источником вдохновения Гусовского были воспоминания об отчем крае, а после возвращения на родину — сочувствие и привязанность к простым людям. В творческих же замыслах и приемах образцами ему служили великие итальянские гуманисты XIV и немецкие XV — начала XVI в.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Лучшее все же наступит...
Н. Гусовский

ы не располагаем данными о жизненном пути Николая Гусовского, но довольно полную картину о нем можно составить на основании сохранившихся сочинений поэта. Эту задачу позволяют отчасти решить те 300 из 1072 строк поэмы о зубре, которые ее автором посвящены личной судьбе, своим впечатлениям и взглядам. В других произведениях также имеется немало строк, отражающих переживания поэта.

Будучи еще не старым человеком, Гусовский жалуется на плохое здоровье. Из его произведений видно, что в молодости он принимал участие в охоте, переплывал на коне Днепр, подвергался опасностям, охотясь на зубров, иначе говоря, был бодр и силен. То, что поэт не стал жертвой чумы в Риме, как его протектор, тоже свидетельствует о его крепком организме и выносливости. После же возвращения на родину Гусовского поразил какой-то недуг, постоянно его беспокоивший. В 1524 г. он писал в начале поэмы о победе над турками:

Если, пожалуй, тяжелая хворь мне не будет помехой,
Грудью печальной отрадную песню попробую спеть,
Чтоб исцелить свое сердце больное от тяжких страданий...
(48, 1—3)

Поэма заканчивается словами:

Тяжким недугом разбит, не могу рассказать все подробно,
Лишь повторяю, о чем донесла до постели молва.
Просьба, читатель, меня не кори, за слова не цепляйся,
Бремя достаточно хвори моей, такова уж судьба.
(55, 171—174)

Год спустя в поэме об Иакинфе Гусовский говорит своему герою: «Силы ничтожны во мне, укрепи, Иакинф,

мою волю...» (60, 3). В конце сочинения обращается к нему с просьбой: «Глянь на меня, заболел я недугом двойным в одно время» (96, 858), а затем — к читателю: «Труд завершил этот я, хоть врачи запрещали больному» (56, 1). В небольших стихотворениях, написанных в Риме, нет жалоб на здоровье, в стихотворном письме к Карлу Антонио Бононскому Гусовский уже намекает на моральные переживания, осложнившие состояние его здоровья:

Если бы ты мне помог, найвернейшему старому другу,
Тяжкой болезни когда бремя сковало совсем,
Горем таким наполняя и этим здоровье, любые
Члены ослабив вконец...

(108, 5—8)

Не подлежит сомнению, что здоровье поэта было подорвано переживаниями и неудачами. Больше, чем телесные страдания, его удручает подавленное настроение. В нем борются два начала: с одной стороны, он признает за светскими и духовными сановниками роль вершителей судеб родины, страдающей не только от нашествий иноземцев, но и произвола местных господ. Может быть, поэтому он, презирая владык в душе, пытается убедить их в своей преданности государству, в искренности своих взглядов. С другой стороны, его одолевают сомнения: справедливо и мудро ли поступают сильные мира сего? Он клеймит вражду, распри в среде христианских фанатиков и ханжей, противопоставляет им чистосердечные верования языческих предков. Поэт преклоняется перед традицией:

Пусть же стезя наших предков всегда предо мною маячит.

(90, 662)

В его обращениях к королеве Боне, ее секретарю Альфию, к ученому Карлу Бононскому, князю Шидловецкому слышны укор и горечь: отстранены и подвергаются насмешкам ученые, не воздаются почести, более того, пренебрегаются добродетели блаженного Иакинфа. За всем этим скрыто возмущение отвергнутого, непризнанного поэта.

Гусовский мечтает о спокойной жизни, о благоприятных условиях для творчества (29, 515). Но сердце поэта

полно тревог. В высказываниях его чувствуется постоянное беспокойство, поймут ли читатели написанные им сочинения, дойдут ли они до слуха тех, кому предназначены. Если в поэме о зубре Гусовский сомневается, одобрят ли ценители искусств его откровения, не отклоняется ли он от предписанной темы, уложится ли в сроки и в нужный объем, то в поэме об Иакинфе он озабочен уже другим: как выразить негодование против тех, кто подрывает священную веру в добро. Христиан, считал он, размежевывает не только разное подданство, но и религиозные распри, переходящие в кровавые войны. С особым возмущением Гусовский обрушивается на Лютера (86, 529). В Реформации поэт не видит спасения от своеволия феодалов. По его глубокому убеждению, отречение от старой веры не поможет объединиться тем, кто обязан выступить против турецкой угрозы.

Поэт презирает властелинов, погрязших в междоусобицах, покинувших в беде свой народ, снова называет их пастырями, превратившимися в волков, терзающих и раздирающих стадо (91, 681—683).

Если в стихотворении «На жертвоприношение черного быка» поэт возлагает вину за моральное разложение римской толпы на религию, которая оказалась бессильной перед свирепствующим мором, то в поэме о зубре он упрекает светских властелинов, подрывающих во имя своих эгоистических целей стойкость простых людей. Борьбе с религиозными извращениями и произволом князей мешает, по словам Гусовского, невежество народных масс.

«Что, вопрошаю, толпу разметало и что ослепило?» (102, 51), — с болью в сердце спрашивает поэт, видя христиан, молящихся скотине, кладущих поклоны чудовищу, распространяющих слухи о том, что «на кресте кровоточит спасителя образ» (103, 5). Гусовский приходит к полному отчаяния выводу:

Трудно ли туркам над этим хаосом нависнуть угрозой?
(102, 53)

Переходы автора «Песни о зубре» от основной темы к лирическим и другим отступлениям вызывают у некоторых исследователей впечатление отсутствия у поэта художественного вкуса. Это, по мнению Е. Круковского,

якобы подтверждает заявление самого Гусовского о невысокой степени своего мастерства.

Если проследить, как осуществляются эти переходы, то можно прийти и к другим выводам. Закончив описание богатств отчего края замечанием о целесообразности воздействия человека на природу, Гусовский воспевает волшебную силу, скрытую в растениях и песнях родины, а затем с содроганием рассказывает об испытании колдуна. В этом переходе поражает сопоставление сознательной деятельности с коренящимся в подсознании людей страхом перед стихией.

Рассказ о неимоверных трудностях охоты, сопряженной часто со смертельной опасностью, поэт использует как фон для того, чтобы возвеличить Витовта. Описание пущи, храбрых охотников и князя достойно кисти большого художника. Идеализация правителя в условиях постоянной необходимости объединять силы и возглавлять отпор врагам оттеняет авторский замысел превратить поэму о зубре в актуальный политический трактат.

Глубоко продуман и обоснован переход от описания смерти поверженного зубра к резкому осуждению феодальных властелинов и захватнических войн. В поэме о зубре читаем:

Пал обитатель свирепый полночных литовских просторов.
　Мне невтерпеж продолжать: скрыт и другой в пуще зверь.
Будет досуг у меня, расскажу и об этом побольше.
　Если ты в силах, готовь против войны, бык, рога!

(44, 981—984)

Удивительный прием! Сперва потрясающая картина гибели зубра, побежденного в неравной схватке с вооруженными смельчаками, а затем обращение к другому зверю, скрытому в чаще, причем наряду с обещанием писать о нем Гусовский обращается к зубру с призывом выступить против войны. В воображении поэта на смену умному, благородному, миролюбивому исполину, поверженному в бою, встает другой, который и продолжит борьбу.

Случайно ли Гусовский ставит описание конца борьбы с одним зубром рядом с заявлением о том, что собирается писать о другом, с призывом выступить против войны? Связывая описание охоты на зубра с воспеванием родного края, прерывая свой рассказ отступлениями в область

общественной жизни и политических событий, сосредоточиваясь то и дело на личных переживаниях и впечатлениях, Гусовский проводил основную идею, созревавшую в нем в течение всей жизни: воспеть миролюбивый народ, заклеймить подлость иноземных и своих феодалов-грабителей. Апофеозом воплощения творческого замысла являются указанные строки. Зубр здесь — символ борьбы мощного, вечно живого отечества. В образе зубра олицетворяется мечта поэта о мирной жизни народа своей страны.

В поэме «О жизни и деяниях божественного Иакинфа» повествование о том, как праведные люди помогают развивать добрые начала, Гусовский прервал выступлением против Лютера. Чудеса, совершенные Иакинфом для блага несчастных, терпящих бедствие людей,— это, убеждает поэт, богоугодные деяния, ведущие к совершенствованию человека и отношений между людьми:

Ведь посадив виноградный росток, грозди большие
Вскоре увидим на чудной лозе. Зародилась в них сила
Семени вечного: мощь у родителя, взятая сыном.

(83, 439—441)

Эти слова напоминают исследователю И. Пельчару стихи Евангелия от Иоана. Возможно, сравнение с лозой, побегами и навеяны поэту Библией, но вывод у него необычный, далеко отклоняющийся от библейского:

Переплетаются с нашими неба дела постоянно...

(83, 442)

«Дела неба» — это идея справедливости и совершенствования нравов, «наши дела» — это, как вытекает из следующих строк поэмы, церковные распри по причине разного толкования религиозных догм. Таким образом, две разные темы (деяния Иакинфа и критика лютеранства) тесно увязываются между собой.

Создается впечатление, что Гусовский глубоко продумал свои отступления. Решительно отстаивает поэт свои толкования того, что относится к самой теме, выходит за ее рамки. Он считает себя вправе, прервав рассказ о зубре, обратиться к королю Сигизмунду с льстивым обещанием посвятить монарху в будущем особое сочинение. Что задумал поэт, видно из того, как он воспевает хвалу

Сигизмунду, увещевая его заступиться за Иакинфа: здесь в словах поэта начертана целая программа действий просвещенного властелина, который не только обязан отражать нападения врагов, отстаивать мир, но и заботиться о развитии наук, охранять страну от лжеученых — зачинщиков религиозных кровавых распрей. Поэт излагает королю свои взгляды на роль храмов, которые тот должен укреплять и украшать, «чтобы казались народу почтенным великолепьем, чтобы в потомках все ширилась, крепла священная вера» (91, 729—730). Он, однако, дает понять, что вера — это не признание догматов церкви, а укоренение честности, преграда распутству и злоупотреблениям, это — убеждение, что людям независимо от религиозной принадлежности близки любовь к матери и привязанность к своим обычаям и свободе. Так поэт говорит о традициях белорусов и литовцев: «нет, не найдется глубоких пороков в обычаях давних» (85, 491), он сочувствует пленным татарам, тоскующим по своим колчанам (57, 7), он утверждает, что все народы, даже не преклоняющиеся перед девой Марией, признают святость матерей (84, 453).

Таким образом, богатые украшения церкви и пышные обряды нужны только «неокрепшим умам», которые не сознают назначение человека на земле:

Золототканное платье, священную чашу возносим,
Чтоб увлекали умы, лишь покуда надежда спасенья
Не зародится и слово всевышнего не станет всесильно.

(87, 560—562)

Такое рассуждение привело Гусовского к пересмотру личности и роли Христа, который, по мнению поэта, увлекал народ не чудесами, а учением о справедливости и благе. Христос привлекал людей обещанием благ и исцелением от страданий.

Гусовский обладал большой гражданской смелостью. Находясь в Риме — оплоте католичества, он отважился упрекнуть в обмане римскую церковь, которая не смогла уберечь народ от поклонения колдунам: «воля моя непреклонна: упрек за обман не скрывать...» (100, 10). Он усомнился в правоте святых, не заступившихся за «без греха младенцев», терзаемых жестокими муками во время чумы (106, 72). Он стыдил королевскую власть Поль-

ши, не подготовившую вооруженные силы для отпора врагу: «Стыдно всю правду о нашем бессилии людям сказать» (49, 14). Поэт презирает насилие. Уничтожающим осуждением звучат его слова, направленные против турецких захватчиков:

Лютый нас враг осаждает и рушит до основанья,
Жаждою вечной томим души невинных губить.
Ради богатств или власти войной угрожает и смертью?
Ради победы в бою,— гордой, бессмертной хвалы? —
Алчет негодник напиться сполна человеческой крови,
И несогласных казнить, мукам жестоким предать,
Чтоб иноверцев резней закалялось оружье бесчестных,
Праздник устроит и пир хищникам, коршунам, псам...

(85, 429—436)

Ненавистны поэту религиозные войны:

Ежели вера велит натравлять одного на другого,
Вряд ли поможет совет, слово священных наук.

(25, 439—440)

Гусовский пишет не только о вражде между сторонниками разной веры, но и показывает распри в христианском лагере как между отдельными королевствами, так и внутри стран. Он осуждает человеконенавистничество инаковерующих и правоверных христиан. Людей, по его мнению, делит не принадлежность к религии или к государству, а честолюбие правителей, стремящихся к обогащению.

Что же правители делают? Кажется, спят непробудно,
Мысли о мире, увы, нет, беспросветна судьба.
Обеспокоены столь никогда не бывали, а чем же?
Точат оружье одни, ближних другие казнят.
В сече взаимной злосчастное войско ведут на погибель,
В этом находят теперь сладость, сердца веселят.
Воины гибнут, с обеих сторон одинаковы жертвы.
Скоро не будет уж кем править, к тому доведут,
Их злодеянья ужасны: играют все кровью народной.
Вот ведь глумится теперь недруг над нами любой.
Те же, кто должен блюсти святую обязанность стража,
Паству терзают и рвут...

(44—45, 993—1004)

Поэт клеймит позором христианских королей, допускающих сделки с врагом, забывающих о священной обязанности защищать свои народы:

Тишь равнодушную тех защищаем отчизны пожаром,
Кто нас совсем не щадит, нашей погибели ждет.
Вместо подмоги они в тесном союзе с врагами
Недругов силы крепят, помощь, совет им сулят.

(26, 449—452)

Гневно звучат слова Гусовского, обращенные к христианским королям:

Брось кровожадных, преступная алчность, грызи свое чрево...

(27, 459)

Образное выражение полно иронии: щади зверей, а своих детей губи. В последующих строках поэт развивает эту мысль:

Так матерьял накопи, кандалы обработай и цепи:
Или на шее твоей иль сыновей зазвенят.

(27, 471—472)

Охваченный глубоким негодованием и тревогой, Гусовский раскрывает подоплеку поражений в войне с турками — это предательство князей, их враждебность народу:

Враг не боится, что кто-либо, встретив, поднимет оружье,—
Мы же бессильны совсем,— толпы несчастных слепцов!
Наши князья, замечая какую-то силу в народе,
Режут под корень ее, едкой издевкой грызут,
Действуют так, чтоб никто из приверженцев власти христовой
Не вознамерился впредь в чем-либо их превзойти.

(45, 1019—1024)

Ряд исследователей поэмы о зубре (И. Пельчар, Е. Круковский и др.) полагают, что Гусовский здесь бросает обвинение в адрес крестоносцев и, в частности, немцев. Такое толкование слов поэта сужает его взгляды, обедняет их социальный смысл. В действительности Гусовский, находясь в Риме во время неудачных переговоров между христианскими королями, гневно изобличал эгоистическую, близорукую политику феодальных правителей, ее антинародный характер. Позиция Гусовского перекликается с позицией гуманиста Ульриха фон Туттена, уму и таланту которого высокую оценку дал К. Маркс в письме от 19 апреля 1859 г. Фердинанду Лассалю[1]. Гуттен тоже предупреждал соотечественников об опасности, грозящей им со стороны османской империи,

клеймил позором алчность и междоусобицы князей[2]. Это же самое можно сказать и о Себастиане Бранте, авторе сатирического сочинения в стихах «Корабль дураков» (1494), переведенного на латинский, французский, голландский, английский языки в конце XV — начале XVI в. Брант писал, что «лютый волк проник в хлев, а пастухи все еще спят мертвым сном»[3]. И Гусовский говорил о «непробудном сне правителей» (44, 993). Характерно, что опасность со стороны турок Брант и Гусовский тесно связывали с эгоизмом князей, корыстолюбием духовенства. Восклицание Гусовского «Быстрая смерть, смерть ужасная и жестокая близка!» (27, 466) напоминает слова Бранта «Близится время! Я опасаюсь, что антихрист уже неподалеку»[4].

Ведя борьбу с обскурантизмом и схоластами-богословами, группа немецких гуманистов издала осенью 1515 г. «Письма темных людей». Неизвестно, побывал ли знаменитый памфлет в руках Гусовского, но многие высказывания поэта близки мыслям, пронизывающим страницы этой книги.

Еще в 1509 г. Эразм Роттердамский опубликовал на латинском языке свое «Похвальное слово глупости», в котором звучит скептическое отношение к обрядовым сторонам религии, высказывается презрение к торгашам и культу наживы. В сочинениях Гусовского начиная с римского и кончая краковским периодом творчества эти мысли находят своеобразное отражение. Поэт, однако, не разделял стремление авторов «Писем темных людей» высмеять тех, кто за благодеяния был зачислен в лик святых. Критерием благочестия поэт выдвигает не религиозность, а чувство долга перед людьми. В стихотворении «На жертвоприношение черного быка» Гусовский, подобно Гуттену, подверг резким нападкам Рим, утверждая, что там прогнили нравы, извращается вера, а жители Вечного города преклоняются перед колдовскими выдумками (101, 35—48). Сходные мысли содержит знаменитое сочинение Гуттена «Вадиск, или римская троица», появившееся в 1520 г.

Мир и благополучие народов дороги Гусовскому как у себя на родине, так и в странах Западной Европы.

Поэт не скрывает своего убеждения в том, что бессилие религии и взаимное недоверие феодальных правителей и народа омрачают даже победу христианского

оружия. В поэме «О победе над турками» Гусовский проводит границу между привязанностью к религиозным верованиям и любовью к родине у крестьян и господ. У поэта возникает сомнение в правомерности связи между религией и родиной. Простые люди ожидали от «святых» помощи, но ее не последовало, враг безнаказанно глумился над беззащитными мирными селянами, и они стали терять веру в могущество и справедливость бога, что в свою очередь привело их к злословию, отказу от алтарей, храмов и «святых». «С уст богохульства срываются, бога проклятьем поносят (52, 99)»,— пишет Гусовский. Он показывает, как укоренившаяся в народе вера в небесные силы подвергается двойному испытанию: ее расшатывают и глухота «неба» к мукам и страданиям, переживаемым людьми, и нерешительность тех, кому то же «небо» поручило власть и опеку над страной.

В этой же поэме Гусовский ярко представляет размежевание шляхты и крестьян на поле брани. Он отмечает нерешительность одних, готовность к бою других:

Вождь, ободрить пожелав нашу рать, рысью к воинам скачет:
Шляхта главу окружает и внемлет послушно ему.
Словом призыва, однако, к селянам когда обратился.
Вдруг зароптала толпа, зашумели с угрозой ряды:
«Слов нам не нужно!» — кричат.— А когда перейдем в наступленье?
— Боль в нашем сердце жестока, она пусть нам силы придаст!

(53, 121—126)

Несмотря на бесправие и страдания простых людей, поэт верит в их силы и инициативу:

Речь чтоб держать, из рядов протолкнулся один, призывая:
«Бить в барабаны!» — На битву кровавую ратникам клич!

(53, 129—130)

Гусовский резко выступал против подобострастия, царящего в кругах господ, возмущался кознями завистников (99, 5—8; 107, 1—3).

О своей любви к родине поэт говорит неоднократно. В отчизне, по его мнению, бытуют прелестные предания и легенды, которые он предпочитает выдуманным древними и современными писателями. Гусовский сознает, что его не пожелают признать ни любители античной мифологии, ни ревностные католики. Вместе с тем, не раз напоминает он, тяжелые времена не благоприятст-

вуют растроганности и умилению, а удручают, заставляют думать о том, как помочь родине отвратить бедствия, обрушившиеся на нее (25, 417—426; 27, 475).

Показательно, что Гусовский ссылается на родные русские источники его знаний, на книги, «написанные греческой буквой». Замечание о «русских книгах», полагает К. Баквис,— это, мол, кокетство перед гуманистами Запада [5]. Поэт, однако, и в поэме об Иакинфе ссылается на древние книги, описывающие историю Киевской Руси. И здесь критиками обойдена привязанность Гусовского к родной культуре [6].

Сознание неисполненного долга не позволяло Гусовскому оставаться в глуши своей пущи. Он писал Я. Карнковскому:

В час, когда страшные бури вздымают неистово море,
Лодка моя все стоит в гавани тихих озер.
Признак нагрянувших гроз я увидел в такую минуту,
Грозные ветры когда можно еще переждать.

(108, 5—8)

Разразившаяся гроза реформационного движения не поколебала убеждений поэта. Тихая гавань, в которой стоит лодка его,— это образное изложение взглядов на непричастность к тому злу, кровопролитиям, к которым привела борьба противников по религиозным убеждениям. Религия, считал поэт, должна служить миру и взаимопониманию между людьми. Он успокаивал Карнковского, обещал ему свою помощь, склонял избегать столкновений на почве религии, но сам себя не уберег, не остался в тихой гавани, а вышел в открытое море, сразился с насилием, несправедливостью, фанатизмом.

Сначала Гусовский возразил своему протектору. В противоположность Эразму Телку он был убежден, что религию не поколеблют предания и поверья, бытующие в отчем крае, а сила духа, стойкость народа слабеют без них. Он писал:

Сила лихая у нас зельям присуща всегда,
Гусли и песни чаруют и страшную крепость имеют...
Мысль иногда растревожена этой природы загадкой.

(20, 295—296, 299)

Итак, уже в поэме о зубре Гусовский высказывает своеобразное суждение о религии: только из уважения к

4. Зак. 226

своему протектору, ревностному католику, он включил в свое сочинение «кое-что о религии». Любовь к родине, ее истории, обычаям превосходит все другое: и суровые религиозные предписания, и красоты мифологии. Если в «Песне о зубре» Гусовский только коснулся вопроса о взаимосвязи и соотношении любви к родине и религии, то в поэме об Иакинфе он высказал опасения, что благу родины, ее традициям и моральным устоям может нанести и наносит непоправимый вред использование отдельными людьми религиозных догм в своих интересах под видом служения обществу.

Без осмысления всего творческого пути Гусовского невозможно понять несколько туманное высказывание поэта о пропитанных ядом стрелах:

Право, однако, не рвите стихов иноземных, невежды.
Дивное дело, ношу чем поострее стрелу.
Действенным ядом пропитаны стрелы, опасным настолько,
Что от царапины лишь ею задетый умрет.

(10, 41—44)

Это место в песне о зубре не оценили все исследователи творчества Гусовского. К. Баквис разбирает те строки поэмы, где автор ссылается на свой охотничий опыт, но там о применении яда ничего не сказано. В Белоруссии охотники не пользовались отравой. И. Пельчар предполагает, что образ отравленных стрел был навеян Гусовскому римским поэтом Овидием, в «Понтийских посланиях» которого говорится о «влажной стреле, смоченной смертоносной жижей» [7], или о «стреле, смоченной ядом»[8]. Критик, однако, оставляет без освещения вопрос о том, как попало в колчан белорусского охотника такое необычное оружие.

Предупреждение образованным читателям «не рвать», т. е. не пренебрегать творчеством других народов, равносильно призыву вникнуть в суть сочинения, ознакомиться с его выводами. Следовательно, слова о быстродействующем яде в стрелах — это предостережение о смертельной опасности, нависшей над всеми, кто склонен высмеять поэта, обвинить его в невежестве, это проявление презрения к обстановке, порождающей подлецов, во имя своего благополучия отворачивающихся от бедствий и горя народа, наконец, это напоминание самовлюбленным, равнодушным, беспечным, почивающим на

лаврах временных успехов писателям — льстецам папы и королей.

«Ядовитые стрелы» олицетворяют негодование и горечь поэта: от него ожидают описания зубра, охоты, а он озабочен судьбами родины. Замысел Гусовского, возникший после того, как ему было поручено сочинить «кое-что» о зубре, далеко вышел за рамки сцен охоты и описания повадок животного. Воспоминания о полной опасных приключений юности, о прекрасной литовской пуще столкнулись с блистательной пышностью беспечного римского окружения. Образы простых, искренних охотников и воинов, защищающих родной край, теснились в сердце поэта рядом с удручающими чувствами возмущения против козней западных дипломатов. Волнение, охватившее поэта, которому предложили спеть об отчем крае, нахлынувшая тоска, напряжение всех духовных сил для достойного выполнения задачи, от которой, возможно, зависела благосклонность окружения папского двора,— все это вылилось в строки раздумий, зазвучавших диссонансом общему тону начальных стихов «Песни о зубре». Поэт разоблачает тех, чье равнодушие губит священное дело защиты родных рубежей. Опасным ядом, о котором он говорит, были пропитаны строки и других его произведений.

Высокохудожественное описание белорусской природы, зубра, обычаев и поверий своего народа поэт внезапно прерывает полными горечи и тревоги словами:

Сердце людей наполняет тревожного чувство волненья,
После, собой овладев, крепнет желанье страстей.
Разве тогда сохранить мы способны высокие чувства?
Разве раскроется то, что назревает в груди?
Надо ведь думать о бедах тяжелых отечества ныне,
Может, появится мысль, как возродить ему мощь?

(23, 365—370)

С болью в душе поэт восклицает, что не может молчать о покинутых в страшной беде соотечественниках, об измене князей, губящей их. Разоблачение вероломных действий христианских королей, обвинение их в близорукости поэт горестно заканчивает словами:

Разве поможет в лесах расточать понапрасну стенанья?

(27, 475)

Значит, Гусовский не надеется на понимание со стороны тех, к кому он обращается, его голос «теряется» в «лесах», это глас вопиющего в пустыне.

Вернувшись из Рима, Гусовский не бросил своего колчана, наполненного «отравленными стрелами». Неудовлетворенный, больной, испытывающий острую нужду, отвергнутый сановниками церкви, не понятый, он по-прежнему упрекал всех, чьи действия вредили народу.

Люди, богатство лелея, не помнят о безобразном:
Правдой или неправдой копить, наживать, добиваться,
Христолюбивую скромность в темницу ввергая забвенья,
В плен лишь плачевный презренных вещей попадают.

(89, 612—615)

Большая часть поэмы об Иакинфе — это целый рой стрел, запущенных поэтом против пороков общества, преступлений религиозных фанатиков, бесчеловечности светских и духовных поработителей.

Потеряв надежду опубликовать поэму о зубре с помощью высоких покровителей, поэт решил собственными силами издать свое сочинение. Гусовский предпринял все доступные ему шаги: он написал секретарю королевы Боны Людовику Альфию стихотворное письмо, в котором, умаляя достоинства поэмы, просил «вникнуть в ее суть». Это письмо Гусовский направил по совету своего друга итальянского ученого Карла Антонио Бононского, которому также посвятил стихотворение, бросающее свет как на судьбу автора поэмы о зубре, так и на его замысел:

Дал ты прекрасный совет и такой нам полезный,
Лучше его никогда, Карл, никто не давал.
Действенным все же не будет, пока не вмешаешься лично.
Альфию едва ли принять так незнакомца стихи.
Если бы ты мне помог, найвернейшему старому другу.
Тяжкой болезнью когда бремя сковало совсем,
Горем таким наполняя и этим здоровье, любые
Члены ослабив вконец! Нет никаких уже сил!
Сделай, ежели тебе неудача, судьба моя близка,
Чтобы такому я смог мужу известнее стать.
Пусть бы достигла моя вожделенных порогов поэзия,
Чистые пусть бы уста стали стихи мои петь!

(108, 1—12)

Карлу Антонио было известно, что в Риме поэма не была напечатана, что она не привлекла внимания тех, кому была адресована. В кругах итальянских знатоков поэзии имя белорусского певца не было чуждо, его труд, по всей вероятности, в противовес влиятельным силам папского окружения друзья оценили высоко.

В обращении к королеве Боне, предпосланном поэме о зубре, голос Николая Гусовского звучит твердо. Поэт не отступил от своих воззрений на роль науки и на обязанности правителей, он дерзнул бросить упрек отечественным «вельможам, предпочитающим накапливать сокровища, а не растить духовные богатства» [9]. Гусовский напоминает, что люди, стоящие во главе государства, обязаны поддерживать честных и способных граждан, при этом подчеркивает, что не ищет личной выгоды, а озабочен судьбами страны.

Пользуясь образным выражением Гусовского, можно сказать, что автор обращения посылает смоченные ядом стрелы в тех, кто пренебрегает своим долгом, презирает народ, отвергает истинных ученых. К. Баквис недооценивает злободневность подкрепленных уроком из древней истории слов поэта, обращенных к Боне: «...оружие греков и римлян было тогда мощнее, когда процветали науки, и прежде чем ослабела крепость империи, расшатались ее духовные устои» [10]. Гусовский указывал также на болезнь чванства, поразившую власть имущих. Это еще одна стрела, смоченная ядом и пущенная поэтом в стан сил, враждебных добру и благу общества. Гуманистические помыслы Николая Гусовского придали всему его творчеству непреходящее значение.

ПОЭТ И РЕФОРМАЦИЯ

Из пожеланий Лютера пусть кое-что нам и близко,—
В смеси с хорошим нередко сбывают плохое. Не умно
И недостойно, однако, совсем и прошедшее бросить
И без разбору хватать то, что ново.

Н. Гусовский

1517 г. Мартин Лютер прибил к дверям виттембергской церкви 95 тезисов, направленных против торговли католического духовенства отпущением грехов (индульгенциями), в 1520 г. он обнародовал «Послание к христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианской церкви», в том же году появился его трактат «О вавилонском пленении церкви», в 1522 г. он издал в своем переводе Новый завет, а в 1532 г.— все книги Библии. В самый разгар деятельности основоположника немецкого протестантизма, т. е. в 1523—1525 гг., вышли в свет пропитанные духом гуманизма поэмы Гусовского «Песнь о зубре», «О жизни и деяниях божественного Иакинфа», «Победа над турками» и ряд небольших произведений. Оказала ли деятельность Мартина Лютера влияние на взгляды Николая Гусовского? В литературе, посвященной творчеству поэта, этот вопрос не исследовался.

Немецкая Реформация послужила Гусовскому поводом для размышлений о бедах общества. Поэт разделял справедливое возмущение сторонников Реформации произволом светских и духовных феодалов, но одновременно резко осуждал учение Лютера, считал его вредным, не подходящим для христианской религии, которая еще полностью не преодолела язычество.

Из поэмы об Иакинфе можно заключить, что Гусовский был в общих чертах знаком с учением немецкого реформатора, несколько раз упоминает его имя (83, 446; 86, 528; 91, 694; 92, 734 и др.). Нет, однако, сведений, позволяющих говорить о пристальном внимании поэта к реформационному вероучению. Его больше беспокоило вызванное Лютером такое социальное следствие, как ре-

лигиозные войны. Не случайно в отличие от Томаса Мора, который восхвалял борьбу английского короля против Реформации, Гусовский поучал польского короля Сигизмунда I, каким должен быть глава государства, чтобы воспрепятствовать возникновению религиозных войн. Гусовскому остались чуждыми теологические постулаты Реформации, он усмотрел в них неприемлемую его взглядам «мощь, которая позволила себе осудить «святых отцов» (90, 651).

Взгляды Гусовского на религию не скованы богословскими спорами между сторонниками и противниками Реформации. Его больше тревожило место языческих верований и христианства в мироощущении людей у себя на родине. Согласно Гусовскому, язычники верят, что богов можно умилостивить приношениями, колдовскими заклинаниями, а истинные христиане сознают, что храмы и обряды нужны не богу, а людям. В поэме об Иакинфе Гусовский писал:

Недалеко от родной стороны ведь ужей почитают,
Жертвы приносят высоким деревьям, плоды же в потоки
Бросив, у бога речного подарков униженно молят.
Смотрят, как он водяными кругами на волнах играет...
Веруют: власть божества благоденствием, судьбой управляет;
Стада приплод, несомненно, такой же причиной толкуют,
Уж промолчу о других суеверьях простого народа.

(86, 540—543, 546—548)

Как видно, по мнению Гусовского, языческие суеверия, мифологические представления предков навеяны надеждой на помощь сверхъестественных сил, заложенных в окружающей человека природе, и этим они отличаются от церковных христианских обрядов. Утверждения поэта «пусть человек сам строит внутри себя храм» (93, 742), «всевышнему милее дух человека, чем любой из храмов» (93, 740), говорят о том, что Гусовский ценил возвышенные идеалы человека больше, чем великолепие святынь и обрядов. Этим он был близок Лютеру, но в противоположность немецкому реформатору Гусовский доказывал, что убранство храмов и пышный церковный церемониал необходимы для того, чтобы возбудить добрые начала в человеке, для того,

Чтобы дитя привыкало к прекрасному в ранние годы,
Спервоначала всосало бы веру с груди материнской.

В нежном чтоб теле росли убеждения юные силы,
Золототканное платье, священную чашу возносим,
Чтоб увлекали умы, лишь покуда надежда спасенья
В них зародится и слово всевышнего станет всесильно.

(87, 557—562)

Гусовский считал, что достоинство и сила духа присущи далеко не всем людям и поэтому нужны образцы совершенства. Такими являются те, кого народ принимает за «святых», так как они отказываются от жизненных благ во имя борьбы за счастье других.

Описание чудес, совершаемых Иакинфом, поэт переплетает с реалистическими картинами непокоренной природы, особенно бессилия человека перед лицом смерти и стихийных бедствий.

Прибыл ■ Костелец, так называли именем древним
Местность известную. Видит — крестьяне стенают и плачут:
Градом побиты посевы, гроза размолола колосья,
Сверху обрушились льдины огромные, хлеб уничтожив.
Просят о помощи, в страшном несчастье где утешенье?
«Голод задушит, умрем без кусочка»,— рыдают, а странник
Плач унимает, молиться велит. Темноту лишь ночную
Свет дребезжащий рассеял зари — и, о радость: поднялось
Жито. Следов никаких не увидишь минувшего бедствия.

(77, 273—281)

В Рабе-реке утонул благородный сынок Прибыславы...
Поиски в бурном потоке утопшего были напрасны:
Реки набухли, течение быстрое, мутные воды.
Тут Иакинф появился,— желанным, бесценным был гостем.
Мать неутешная бросилась ■ ноги, спасения просит.
Он отошел, погрузившись в молитвах: утопленник к суше
Сам по себе наперерез громоздящимся волнам
Движется: вот и прибило к песку, он живой оказался.

(78, 302, 305—311)

Не догмы, а сила воли, величие духа сопутствуют чудесам, творимым одаренными людьми. Не речения «святых отцов» вдохновляют чудотворцев, а сострадание велит им помогать страждущим, торить путь к добру. Разве они это делают,— возмущается поэт,—

Чтобы несчастную чернь обмануть? Так уж софистам
В страны небесные можно войти, а другим запрещают?
Чистая же простота низвергается в адскую бездну?
Кто сомневается в том, что законы вселенной иные?
Надо ли логикой доводов мысли доказывать эти?

(84, 476—480)

В отличие от ряда гуманистов эпохи Возрождения Гусовский видел в солидарных действиях многих людей созидательную силу, способную к свершениям, недоступным отдельному человеку. Он утверждал:

Ведь человек в одиночку не знает своих преимуществ.

(84, 460)

Таким своеобразным аргументом Гусовский ставил под сомнение догму Лютера о том, что религиозность должна быть внутренней потребностью каждого человека в отдельности.

Гусовский характеризует жизнь чудотворца как необыкновенное сочетание человеколюбия, глубоких знаний, беззаветной преданности идеям добра и справедливости и одновременно фанатичного самоистязания для закалки духа и воли. По мнению поэта, даже слух о сильном, самоотверженно служившем людям подвижнике так западает в душу народа, так глубоко проникает в сознание людей, что и место его захоронения привлекает страждущих, вселяет надежду на исцеление от недугов, утешает, укрепляет веру в его помощь и способность творить чудеса.

Случай был, женщина параличом уж полгода хворала.
Только припала к могиле, куда принесли горемыку,
На удивленье народу сама поднялась: «Видишь, ходит!»
Сын заболел Богуслава-солдата водянкой, кончался,
Вид у него мертвеца, и семья потеряла надежду.
Помощи не ожидал уж отец ниоткуда, к могиле
Сына принес, уповая на милость, и бездыханный
Встал, поднимается на ноги! Цел, невредим, как и прежде,
Бодрый, с отцом обнимаясь на радостях, в дом возвратился.

(81, 374—382)

Рассказ о деяниях чудотворца звучит в устах Гусовского как гимн величию человеческого духа, который и в земных условиях способен вознестись до огромных высот. Иакинф воспет не как сверхъестественное существо, а как обыкновенный смертный, чье имя и авторитет должны помочь сохранить мир между людьми, добиваться социальной справедливости. Гусовский черпал сведения об Иакинфе не из мифологии, а из местного фольклора и прибегнул к его образу, чтобы оградить общество от бедствий захватнических и религиозных войн.

В обращении к канцлеру Польского королевства Христофору Шидловецкому, предпосланном поэме, он писал, что при жизни Иакинфа страна страдала от нашествия татар, междоусобицы князей, истребительных войн и только деятельность таких, как Иакинф, ободряла народ, вселяла надежду на избавление от бедствий. Гусовский призвал советника короля Сигизмунда следовать примеру Иакинфа, укреплять веру в справедливость, ограждать страну от посягательств лютеран.

Гусовский определял свое отношение к Лютеру и его учению уже тогда, когда тот открыто стал на сторону феодалов и призывал безжалостно уничтожать восставших крестьян. Под влиянием этого обстоятельства противопоставление в поэме Иакинфа Лютеру приобрело оттенок осуждения презрительного отношения к простому народу и вместе с тем решительного одобрения служить ему словом и делом.

В отличие от Лютера и его противников Гусовский критически расценивал истоки и целенаправленность не только языческих, но и христианских обрядов. Знаменательно, что в сочинениях поэта нигде не упоминается «троица», «святой дух», а «девство Марии» превращено им в культ матери, «близкий многим народам» (84, 453). Реформация позволила Гусовскому со стороны взглянуть на догматические споры о разуме и вере, о легендах и мифах, и эти разногласия поблекли в свете его реалистического подхода к быту людей, к явлениям природы. Но его взгляды не были сужены богословскими поисками, столь типичными всем деятелям Реформации.

Из рассуждений и описаний в «Песне о зубре» вытекает, что борьба с природой способствует приобретению человеком опыта. Там же, где эта борьба кончается поражением, возникает суеверие, зарождается сознание бессилия. Преодоление трудностей, как и возделывание полей, охота на зверей, пчеловодство, разработка лесов, воспитывает рассудительность, сноровку, смелость, стремление к взаимопомощи, сотрудничеству. Случай с Лаврином, погибшим от страха при виде зубра, подсказал поэту, что народ высмеивает малодушие и уважает отвагу и решительность. Охотникам, строящим ловушки для зверей, сталкивающимся на каждом шагу с опасностями, остается лишь уповать на свой опыт, силу и знания. Описанный поэтом «танец» охотника и зубра

вокруг дерева, когда каждое неверное движение грозило смертью, говорит, что не молитва, не надежда на небеса спасают человека, а знание им приемов борьбы и его мужество. В памяти поэта сохранился случай, когда шапка снега, стряхнутая ударом рогов зубра с ели, спасла охотника. В приведенных эпизодах нет ни слова о боге и вере людей в помощь небес.

Прервав описание быта и природы родного края, поэт делает заключение, в котором слышно неведомое ни католикам, ни лютеранам понимание провидения. Рассказ об обилии зверей, огромных деревьях, множестве птиц, рыб, пчел завершается в «Песне о зубре» выводом о том, что чары природы превосходят все мифы, включая религиозные представления:

Чуду такому дивимся на землях родимого края.
　　Либо сам бог захотел, чтоб было обилье везде,
Либо волшебным путем погибать всему, разрастаться.
　　Мысли об этом всегда сердце тревожат мое.
Сила такая у трав, заклинаний на землях студеных,
　　Мощи в них столько такой, в песнях неистовых — чар,
Что не одно из сказаний Медеи волшебной чудится.
　　Не сомневаюсь почти, будто взаправду сбылись
Те чудеса, что нас поражали в оное время...

(20, 291—299)

Гусовский выступает против Лютера не как правоверный католик. Он готов частично принять порицание Лютером пороков римской церкви и даже признает в его учении положительные стороны (86, 531—537). Гусовский здесь близок к настроениям выдающихся немецких поэтов XVI в. Ганса Сакса, Томаса Мурнера, Ульриха фон Гуттена. Особенно сходны обвинения, брошенные Гусовским и Томасом Мюнцером феодалам. Автор поэмы об Иакинфе писал:

Знатные мира, посеете ненависть, жар занесете
Ярости в души нещадными казнями, пыткой жестокой,
Прежде чем всех усмирите и кончатся страшные войны,
Прежде чем сможете прихоти ваши скрепить новой верой.

(85, 509—512)

В своей веймарской речи в 1524 г. Мюнцер клеймил князей: «И вот принимаются многие в наши дни свой народ заушать, терзать, обдирать, скоблить и притесняют весь христианский мир и мучают, умерщвляют мно-

гих чужих и своих самым ужасным образом»[1]. Убедившись, что Лютер перешел на сторону рыцарей, освящавших крепостное право, Мюнцер выступил против автора «95 тезисов», назвав его «доктором лжецом» (Люгнером). «Смотрите,— восклицал Мюнцер,— главная причина ростовщичества, воровства и разбоя — наши господа и князья, они захватили себе все, что вздумается... и после этого распространяют среди бедняков заповеди божьи... а доктор Люгнер приговаривает «аминь»[2].

Неизвестно, знал ли Гусовский об этих выступлениях плебейского революционера, но не подлежит сомнению, что он видел в тех, кто наживался на народном горе, злейших врагов, толкающих страну в пропасть. Поэт писал:

Если в безумную ярость проникнет и скупость и алчность,
Или же многих зажжет вожделение, жажда господства,
Шага уверенно сделать не смогут по шатким дорогам...
Вот и под именем ложным сокрытого пастыря видим,
Волка подобье свирепого, иль горделивых безмерно
В крае родном властелинов и беспощадных тиранов.
Почестью предков священной бесчестно, позорно торгуют,
Грабят бесстыдно сокровища доблести незапятнанной,
Подкупом или насильем, другим также способом мерзким...
Ветер разносит проклятья, как будто рукою нетрезвой
Выхвачен меч, угрожая жестокой, кровавой расправой.

(91, 677—678, 680—686, 700—701)

Уже в начале 20-х годов XVI в. Гусовский не сомневался, что Лютер превращается в идейный оплот феодалов и всецело оправдывает их произвол. В поэме об Иакинфе он противопоставил духовному вождю Реформации, перешедшему на сторону поработителей, такого деятеля, который руководствовался любовью к простым людям и бескорыстно служил им.

В отличие от Лютера Гусовский видел в религиозных верованиях историческое явление, которое в зависимости от обстоятельств может утверждаться или ослабляться. Вместе с тем церковь, религия представлялись ему непреходящей потребностью человека. Так, Гусовский убежден, что простых, невежественных людей приходится воспитывать, раскрывая перед ними красивые храмы, ибо, соприкоснувшись с прекрасным, возвышенным, люди становятся лучше. Искусство побуждает забыть о низменных страстях, вдохновляет на подвиги. Уговоры и обещания мало воздействуют на людей. Да-

же Христос, по мнению Гусовского, «не мог ни своими увещеваниями, ни чудесами направить умы людей на верный путь...» (85, 520—521). Почему? Потому, утверждал поэт, что людям нужны осязаемые доказательства действенности веры (86, 553).

В поэме «Победа над турками» Гусовский показал, как перед лицом всеобщего бедствия — нашествием иноземных захватчиков — меркнут религиозные распри, богословские споры о сущности и назначении не только храмов и алтарей, но и духовных обожествленных символов, меркнет именно все то, что стало причиной вражды между приверженцами разных церквей, что довело до гонений и истязаний инаковерующих. Люди ожидают милости бога не в небесной, а в земной жизни. Застигнутые страшным горем, крестьяне — свидетели глумления над их семьями — не уповают на рай, предсказанный церковью для мучеников, а требуют от бога проявить свою мощь, защитить, спасти их от насилия.

Слышны упреки за то, что глухими святые остались,
 Хоть алтари воздвигали им предки и храм не один.
Вот, обезумев, отец восклицает, хуля: «Отрекаюсь
 Для Магомета от бога, распятого Римом,— Христа!
Пусть бы вернул Магомет мне родню...»

(52, 99—103)

Гусовский не смотрел на христианскую религию как на ниспосланный небом свод предписаний, законов и толкований. Мерилом ее успехов он считал доброжелательный подход законодателя, понимающего настроения и поступки людей. Несомненно, Гусовский был противником лютеранства. Это, однако, не исключало известной близости взглядов поэта и реформаторов, о чем свидетельствует, например, тот факт, что его взгляды на религиозные верования сильно расходились с догматикой римской церкви. Они оказались отчасти созвучны лютеранству, сущность которого глубоко раскрыта К. Марксом в его работе «К критике гегелевской философии права».

Лютер, писал К. Маркс, «эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека.

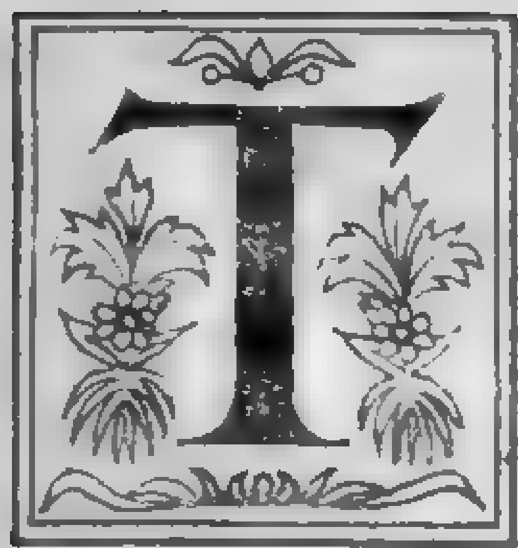
Но если протестантизм не дал правильного решения задачи, то все же он правильно поставил ее. Речь теперь шла уже не о борьбе мирянина *с попом вне мирянина,* а

о борьбе со своим *собственным внутренним попом,* со своей *поповской натурой.* И если протестантское превращение немца-мирянина в попа эмансипировало светских пап, *князей,* со всей их кликой — привилегированными и филистерами,— то философское превращение немца, проникнутого поповским духом, в человека будет эмансипацией *народа»* [3].

Слова К. Маркса подчеркивают, что, несмотря на отрицательные черты, присущие протестантизму, Реформация вывела из тупика немецкий народ, куда его загнало господство римской церкви. Эта положительная сторона лютеровского почина раскрылась и перед Гусовским. Автор «Песни о зубре», уже будучи в Риме, почувствовал неприязнь к папскому престолу и недоверие к политике Адриана VI. В поэме об Иакинфе, написанной в Кракове, когда в Германии разгорелось пламя Реформации, он показал, что с католичеством ему тоже не по пути. Сущностью католицизма было «рабство по набожности», а Гусовский отстаивал достоинство человека, сознающего преимущества мирной и справедливой жизни; католицизм пропагандировал веру в авторитет земных наместников Христа, а Гусовский поднимал только тех подвижников, которые, по его убеждению, жертвовали собой для общего блага; католицизм вознес попов над мирянами, а Гусовский мечтал о наставниках, призванных подавать пример благочестия, о вдохновенных и самоотверженных учителях; католицизм связывал представление о боге с внешней обрядностью, соблюдением таинств, а Гусовский видел в убранстве храмов, в изображениях наставников и мучеников произведения искусства, предназначенные для воспитания незрелых и невежественных людей; католицизм превозносил земные оковы, страдания и муки как залог будущего блаженства в небесах, Гусовский же, отвергая низменные плотские наслаждения, воспевал счастливую жизнь на земле, мир и согласие между людьми. Все это объективно сближало некоторые критические суждения Гусовского с высказываниями деятелей Реформации. Однако в целом он не понял значения реформационного движения для своего времени. Ему осталось чуждым народное течение в Реформации, представленное взглядами предводителя восставших крестьян и городского плебса в крестьянской войне 1524—1525 гг. Томаса Мюнцера.

ПЕВЦЫ РОДНОГО КРАЯ

Следую истине только.
Н. Гусовский

риста с лишним лет разделяет знаменательные события в истории литературы, когда вдали от родины, на чужбине, в Риме, пришелец из Белоруссии Николай Гусовский написал «Песнь о зубре», а польский кудесник, уроженец Новогрудчины Адам Мицкевич завершил в Париже свое замечательное творение «Пан Тадеуш». Н. Гусовский сочинял на латинском, а А. Мицкевич — на польском языке, но обе поэмы возникли на почве глубокой любви к родине и тоски по ней, обе живописуют красоту белорусской природы, свободолюбие, жизнерадостность, мужество народа, населяющего страну, которую как один, так и другой поэт называют Литвой.

«В создании «Пана Тадеуша»,— пишет С. Пигонь,— возникает особое обстоятельство, сегодня уже недостаточно осознаваемое. Не совсем четко мы представляем себе, в какой степени эта поэма была явлением неожиданным, удивительным, непредвиденным. Кто тогда мог ожидать что-либо подобное?» [1] Действительно, до прибытия во Францию А. Мицкевич прославился своими «Сонетами», «Конрадом Валленродом», а здесь он создал третью часть «Дедов» и «Книги польского народа и паломничества», и ничто не предвещало великого эпического полотна. На какой почве произросли семена гениального творения и кто их посеял?

Пытаясь ответить на эти вопросы, С. Пигонь находит ряд причин, побудивших поэта взяться за перо. Это прежде всего атмосфера времени, т. е. ощущающийся в польской литературе «голод эпопеи», это плодородная почва прирожденных наклонностей Мицкевича, его патриотизм, его исключительная одаренность, сочетавшая

«душу мудреца и глаза ребенка, его любовь к узкому наднеманскому уголку... между Молчадью и Сервечью»[2]. Все это рассуждение, пространно изложенное критиком, сводится к идее самозарождения у Мицкевича творческого замысла. А между тем наряду с неоспоримыми соображениями С. Пигоня необходимо учесть, что ни в польской, ни в мировой литературе невозможно было в начале XIX в. найти столь впечатляющие описания природы, как в «Песне о зубре» Н. Гусовского. Неиссякаемый источник, питавший вдохновение автора «Песни о зубре»,— воспоминания о юности, проведенной под сенью дремучих лесов родного края, которые перекликаются с замечательными словами творца «Пана Тадеуша»: «Край детских лет! Он всегда останется святым и чистым, как первая любовь...» [3]

Ряд данных говорит о том, что Адам Мицкевич знакомился с творением Николая Гусовского «Песнь о зубре». Автор «Пана Тадеуша» был учеником Г. Гродека, несколько лет работавшего библиотекарем Адама Чарторыйского, в собрании книг которого находился один из двух экземпляров «Песни о зубре». Гродек, несомненно, имел возможность встретить имя Гусовского, так как ссылался на сочинения Даниила Яноцкого, который еще в 1776 г. остановился на личности и достоинствах автора поэмы о зубре. Известно, что Мицкевич восхищался С. Трембецким, а этот поэт некоторое время работал в качестве заведующего библиотекой Залуских, где сохранилось издание «Песни о зубре» 1523 г. У Трембецкого в поэме «Софиувка», которую Мицкевич начал было переводить гекзаметрами на латинский язык (!), есть места, явно навеянные описанием охоты в «Песне о зубре»: «...Созвали тут же собак, появляется много коней, молодежь, жаждущая опасностей, дает знать о нетерпении... лай собак, звуки труб, возгласы охотников повторяли леса... вдруг стрела, выпущенная из лука, пронзает ему (охотнику.— Я. П.) грудь... Стрелок (Амур. — *Я. П.*) изящно покачивается в воздухе» [4]. В поэме Гусовского сказано:

Ждет молодежь с нетерпеньем, мечтою надежду питая,
Что повстречает в игре мощных, опасных зверей.
Храбрости жар бы вкусить и похвастать сноровкой и силой!
Стрелы пускает, засев в ветках деревьев, Амур...

(41, 895—898)

Польский знаток классических языков и литературы Т. Синко утверждает, что А. Мицкевич читал написанное гекзаметром сочинение поэта Ст. Сташица «Человеческий род», где в отдельных местах, по нашему мнению, ощущается влияние поэзии Гусовского, например: «Как здесь хорошо!.. В этой дикой глухомани, в середине лесов... Вы, деревья, полные силы, свобод и покоя!..» [5] Автору «Пана Тадеуша», видимо, глубоко запали в душу прочитанные у Гусовского сцены охоты.

Еще в юности Мицкевич написал критическую статью на «Ягеллониду» поэта Дызмы Бонч-Томашевского, в которой отметил, что нельзя сравнивать звуки на охоте Ягайло и Витовта с шумом сражения [6]. Как известно, охота при Витовте была подробно описана Гусовским.

В 1913 г. Ян Каспрович опубликовал статью «Песнь о зубре» Николая Гусовского и «Пан Тадеуш». Автор писал: «Несмотря на чужой язык, у Гусовского столько чистых родных характерных черт, что поэму «Песнь о зубре» можно с полной уверенностью считать предшественницей мицкевичовского «Пана Тадеуша»... Они (черты.— *Я. П.*) выражаются в преданности родине, взволнованности ее судьбой, наслаждении ее природой и в особенности жизни литовских дебрей, тайнах Беловежской пущи» [7].

Далее Каспрович продолжал: «...я не настолько филолог, чтобы мог оценить языковые достоинства поэмы; когда, однако, я вчитывался в нее и переводил на родной язык, у меня создалось впечатление, что чувства, связанные с темой, взрывают стесняющие узы иноземной нормы... В поэме вопреки этой норме образы достигают такой художественной силы, что равных им нет в поэзии наших гуманистов, аналогию следует искать у Мицкевича, именно в родственных по теме отрывках «Пана Тадеуша», где описывается жизнь в литовских лесах» [8].

Действительно, при чтении отдельных строк «Пана Тадеуша» возникает удивительное ощущение чего-то близкого, знакомого, уже воплощенного в стихах «Песни о зубре».

В течение трех столетий, прошедших с 1523 г.— времени появления «Песни о зубре» — до 1834 г., когда было напечатано первое издание «Пана Тадеуша», многое изменилось в мире, в Европе и в самой Белоруссии.

5. Зак. 226

Если для Николая Гусовского образцами могли быть классики древнеримской литературы, ряд писателей средневековья и раннего возрождения, то дарование Адама Мицкевича выросло и окрепло, черпая соки из сочинений Гомера, Тассо, Сервантеса, Вольтера, В. Скотта. И, конечно, не только литература, но прежде всего исторические события, протекавшие в XV— начале XVI в. при жизни Н. Гусовского или в XVIII — начале XIX в. при жизни А. Мицкевича, по-разному формировали склад мышления и взгляды этих одаренных писателей, наложили неизгладимый отпечаток на их труды.

Не различия, однако, в мировоззрении и не своеобразие политических ориентаций привлекают читателей; удивляют и волнуют близкий дух, пропитавший обе поэмы, описания природы, вызывают восторг цвета, запахи, звуки, характерные для Белоруссии и Литвы. Природа за столетия мало изменилась, и картины лесов, полей, охоты, созданные обоими поэтами, выразительно говорят об источнике их вдохновения. Замечательная наблюдательность и огромная художественная память позволили поэтам воссоздать вдали от родины жизненную теплоту образов родного края.

Ни у Гусовского, ни у Мицкевича не очерчены временные и географические грани описываемого. Гусовский охотился где-то на Днепре, Мицкевич живописует наднеманскую сторону; первый рассказывает о событиях до и после княжения Витовта, второй приурочивает действие к походу Наполеона на Россию. Оба поэта описывают четыре поры года в Белоруссии: в «Пане Тадеуше» предпочтение отдано лету и осени, в «Песне о зубре» преобладают картины белорусской зимы. Описания природы, сцен охоты чередуются у Гусовского с оценкой хозяйственной и политической деятельности населения края, с лирическими отступлениями; в двенадцати книгах «Пана Тадеуша» мастерски сочетаются те же стороны. В обоих произведениях обрисованы народные поверья, ощущается стремление возвеличить прошлое. Мицкевич, подобно Гусовскому, вспоминает знаменитых предков—наследников князей Ягайло и Витовта — «рыцарей и охотников». «Твои заслуги весьма велики в лесах, но я хотел бы славить твои походы»,— писал в честь Сигизмунда Старого Гусовский (28, 510), а Мицкевич ему вторил, воспевая Сигизмунда Августа: «Последний

из Ягеллонов счастливый воитель и последний в Литве монарх охотник» («Пан Тадеуш», 4, 21—22)*.

«Пан Тадеуш» начинается словами «Литва, отечество мое». В дальнейшем, обращаясь к литовской пуще «Ровесники литовских великих князей, деревья Беловежи, Свитязи, Понар, Кошелева...» (4, 1), Мицкевич с трепетным чувством спрашивает: «Кто исследовал литовских пущ бездонные края до самой середины, до ядра чащи?..» (4, 479—480). О «литовской пуще» (10, 51), о «северной глухомани» (9, 18), «полночных лесах» (10, 45), «крае под небом северной звезды» (20, 295) читаем в поэме о зубре. О лесистых холмах, о зеленых лугах, широко раскинувшихся над голубым Неманом, о разукрашенных разными хлебами нивах, посеребренных рожью, позолоченных пшеницей, вспоминает Мицкевич; подобные картины живописует и сын белорусских лесов Гусовский.

В дебрях, по словам Мицкевича, «попадешь на завал пней, колод, корней, защищенных трясиной... подстерегают маленькие озерца, как волчьи ямы... наклоняются перепутанные ветви» (4, 485—500), а в пуще, описываемой Гусовским,— «поваленные сосны, завалы деревьев, кротовые ямы, нависшие ветви» (33, 645—648). О народной молве (4, 509), о чудесах в пуще, о чертях в озерах (4, 542—549), о колдовских беседах охотников с землей (2, 9), о взгляде Василиска (4, 725) говорит Мицкевич; о сказках Медеи (20, 297), о чудесной силе зелья (295), о волшебном росте деревьев (19, 263), о зубре и взгляде Василиска (30, 575) вспоминает Гусовский.

Звуки, раздающиеся в пуще во время охоты, перекликаются у обоих поэтов: пение рогов, лай собак, рычание зверей, треск ветвей. В поэме А. Мицкевича «из чащи, как из туч, вырывается медведь, наподобие грома» (4, 628), в «Песне о зубре» «зубр несется, как облако пыли и снега» (32, 628). «Плохой стрелок убегает от подшучивающих друзей» у Мицкевича (4, 43), «толпа оплевывает и высмеивает трусливых или неудачных охотников» у Гусовского (9, 20). Мицкевич утверждает, что в старину считалось позорным убегать от зверя с за-

* Первая цифра означает книгу (главу) поэмы, вторая — строку. Подстрочный перевод наш.

ряженным ружьем (5, 470). Гусовский рассказывает, как друзья вывели на могиле незадачливого стрелка, умершего при встрече с зубром от страха, насмешливую надпись: «Не рога виноваты, вид разъяренного зубра убил» (31, 581). У обоих поэтов живописуются картины поверженных зверей. «Труп медведя,— пишет Мицкевич,— лежал, обрызганный кровью, пробитый пулями, грудью в гущу травы вплетенный и вбитый, разбросал широко крестом передние лапы, еще дышал, выливался еще ручей крови из ноздрей...» (4, 710); у Гусовского: «...падает на землю зверь, извергая пар, уже повержен, побежденный в тяжелом труде, свален свирепый обитатель полночных лесов» (44, 981).

И в «Песне о зубре», и в «Пане Тадеуше» говорится о просторе для охотников в белорусских лесах. «Ведь охотник в Литве, как корабль на море, куда хочешь, какой хочешь дорогой плавает по просторам»,— пишет Мицкевич (12, 6), а Гусовский напоминает: «Всяк пусть охотится впрок, вволю, таков здесь закон, край изобильем своим создает всем такую свободу» (20, 283—284).

В обоих произведениях появляются зубры, медведи, кабаны, лоси, глухари, журавли, гуси. Мицкевич говорит об удивительном поведении крупных зверей: «Укрытые в дебрях пущи, невидимые миру... не погибают никогда ни от огнестрельного, ни от холодного оружья» (4, 538—539), а Гусовский вспоминает: «Рассказывают, что зубр обычно уходит из лесов, когда его не побеждают в открытой схватке» (24, 395—396). Оба поэта пишут о первобытном миролюбии зверей: «Даже если бы туда попал невооруженный, то прошел бы среди зверей спокойно, они бы на него смотрели с удивлением» (Мицкевич, 4, 550); «И замеченный, однако, зубром, пройдешь безопасным шагом, если не блеснет копье и не сверкнет оружье. Он долго, как вкопанный, стоял бы, вперив в тебя взгляд» (Гусовский, 15, 157—158).

В описании повадок зубра и его детенышей, приемов охоты, неистовства разъяренных животных Гусовский непревзойден. И в поэме Мицкевича, как у Гусовского (16, 199), упоминается зубр «седой бородач», который задрожал во мху, взъерошил торчком длинные космы гривы, приподнялся, оперся на передние ноги и, потрясая бородой, с удивлением глядит на попавший во время битвы в лес пушечный снаряд (11, 59—62). В сценах, напи-

санных Гусовским, «зубр неукротим в бешенстве» (42, 930), «он свирепствует», «ярость исчертывает силу всех членов» (39, 834), «кипящий гнев клокочет» (20, 536), «впадает во внезапное неистовство» (29, 537), «вращает бешено глазами» (22, 362), «он — полыхающее пламя» (40, 850). «Дивна сметливость зубрят — взрослым во всем подражают... то одолевают прыжком сосновый валежник, то вскачь, неугомонные, светлой поляной промчатся игриво...» (15, 170). Восходы, закаты, описание огородов и садов, полей и самой пущи более полны и неповторимо красочны у Мицкевича.

Пластичные образы и сцены в поэмах «Песнь о зубре» и «Пан Тадеуш» дополняют друг друга. В ряде случаев создается впечатление, что один поэт развивает, шлифует, дорисовывает искусные строки другого. Для того чтобы получить полное впечатление о звуках, наполняющих белорусскую пущу, необходимо поочередно прочитать описания Мицкевича и Гусовского. В «Пане Тадеуше» «ветер в верхушках деревьев стонет, шумит, воет, грохочет, гремит», «лесная тишина, где слышен лишь стук дятла, взрывается треском, криком погони, ревом, воем, визгом собак, пением рогов» (4, 54—92). Все это поэт называет «музыкой пущи»: «только музыка пущи играет им издали» (4, 581). У Гусовского: «...Шум, разрывая немую кругом тишину, беспокоит тысячей вдруг голосов, падает, снова растет» (22, 355—356). В «Песне о зубре» — «мощное жужжание пчел» (19, 266), «легкий шелест рощи» (17, 212), «шорох листвы» (43, 945), «нежное мычание, превосходящее всякий вид труб и любое искусство игры на лире» (16, 191—192). А вот «зубриная пасть гремит» (22, 360), «хрип вырывается из горла быка» (22, 363), «страшные звуки издает вздрагивающий нос» (43, 931), «всадники несутся с громким криком, поднимающимся до небес» (41, 529—530), «хвост зубра со свистом рассекает воздух» (43, 933), «слышен дрожащий лай собак» (22, 353).

У Мицкевича леса и луга переливаются весенними, летними, осенними красками, пестрит соцветие горчицы, клевера, гречихи, пролесника, мальвы, рябины, орешника, боярышника, ежевики, березы, граба, тополя, дуба (3, 550—567). Из муравы выглядывают россыпи грибов: лисичек, боровиков, рыжиков, сыроежек, подберезовиков, дождевиков, мухоморов (3, 260—284). У Гусовского зри-

тельное восприятие красот вызывается более широкими, но не менее впечатляющими мазками: боровая глухомань (40, 46), оледенелые снега (33, 648), темная чаща (32, 575), непроходимые дебри (31, 510), но тут же: полноводные реки (18, 243), большие озера (20, 297), зеленеющие рощи (18, 253), цветоносные луга и поля (19, 267).

Оба поэта охвачены глубокой скорбью из-за войн, разоряющих отчий край. Гусовский с горечью жалуется: «Мы вынуждены летом вести постоянные войны... и этот обычай Марс также нарушил,— и в морозы война не прекращается» (25, 421—424), а в обращении к деве Марии повторяет: «...жестокие войны тревожат сердце...» (44, 985—986).

Мицкевич также презирает войну, он мечтает «...служить в коннице, которая воюет с зайцами, или в пехоте, вооруженной против птиц» (2, 21). В одиннадцатой книге «Пана Тадеуша» Мицкевич с болью в душе восклицает: «Война! война! Не было в Литве уголка земли, куда бы ее грохот не дошел».

Проведенное сопоставление в полной мере раскрывает близость творческих поисков обоих поэтов. Но нельзя не видеть и того, что их отличает. Так, весьма поразному у каждого поэта раскрыта тема народа, народной жизни.

В одиннадцатой книге поэмы Адам Мицкевич сначала говорит о том, как крестьяне, предчувствуя войну, меняют свое отношение к природе и своему труду:

И крестьяне, тянущие плуги на яровые,
Не рады, как обычно, концу долгой зимы,
Не поют песенок, работают с ленью,
Будто бы забыли о посеве и жатве.

(11, 15—18)

И далее:

...Средь темных пущ мужик, чьи деды и отцы
Умерли, не выглянув за край леса,
Не понимающий на небе других шумов,
Кроме вихря, а на земле, кроме рева зверей,
Гостей других не видевший, кроме лесных людей,
Теперь видит: на небе горит удивительное зарево...

(11, 50—55)

Гусовский различает больше граней в повседневных заботах своих соотечественников: они всему предпочитают свою пущу (18, 252), землю, обильную плодами (18, 245), благодатные поля наполняет радостная жатва (18, 246), деревенская толпа собирает цветы (19, 268), на родине есть все, чем хвастают иностранцы (18, 250), богатство родного края народ ставит выше червонного золота (18, 239). Соотечественники Гусовского готовят строительные материалы, сооружают ульи (20, 280, 286), они — лесные люди — замечательные охотники, которые узнают по звукам, когда гибнут медведи, ловятся кабаны, когда в силки попадают пугливые лоси и разных зверей душат тесные петли (14, 128—129). Жители закаляются в охотничьих играх и состязаниях, в стрельбе, верховой езде, плавании, в выносливости; они отважные воины, всегда готовые защитить свою родину. Любовь к родине выражена у Мицкевича в прелестных описаниях природы, более яркими красками, чем у Гусовского, но из жителей он живописует большей частью типичных представителей мелкопоместной шляхты, дворовых слуг, корчмаря Янкеля. Белорусский крестьянин в поэме «Пан Тадеуш» появляется очень редко. А. Мицкевич слегка касается его подневольного труда и образа жизни. В шестой книге поэмы упоминается мужицкая избушка (6, 4—5), ниже — пение косарей, скрытых в тумане:

Хрустнули серпы в хлебах, отозвался луг.
Ряд косарей, секущих отаву, все звякает.
Насвистывая песенку, с концом каждой строфы
Останавливаются, острят косы и в такт клепают молотком.
Людей в тумане не видно, только серпы,
Косы и песни звучат, как голоса невидимой музыки...

(6, 28—33)

«Пан Тадеуш» — гордость польской литературы, высшее достижение писательского мастерства, эпопея, достойная сравнения с «Илиадой» Гомера, она не перестает волновать ценителей искусств всех народов тесной связью с фольклором, тонким юмором, граничащим с печалью, прекрасными описаниями природы и быта. Поэма Адама Мицкевича высоко ценится белорусским народом, так как она пропитана любовью к белорусским лесам и полям, живописует особенности быта во многих белорус-

ских местностях: от Новогрудка до Ошмян, от Лиды до Слуцка.

Творчество Николая Гусовского дорого белорусскому народу не только потому, что воспроизводит жизнь на родной земле почти полтысячи лет тому назад, насыщено восторженным, сыновним преклонением перед родными обычаями и природой, уважением к предкам современных белорусов, но и потому, что в свое время раскрывало простоту нравов охотников и земледельцев, призывало к защите миролюбивых людей от опустошающих страну войн.

ХУДОЖНИК СЛОВА

Много древнейших сказаний по русским я читывал книгам

Н. Гусовский

еред критиками, намеревающимися проанализировать творчество поэта, стоит сложная задача, если они не владеют языком, на котором написаны его произведения. Весьма трудно сопоставить присущие разным языкам образные слова и выражения, установить связь между ними. Ведь даже в области одного и того же языка стиль и его норма меняются от писателя к писателю, от одного исторического периода к другому. Не все, кто повторяет непреложную истину, что Николай Гусовский писал свои сочинения на латинском языке, представляют себе, что это был за язык во времена поэта и каких усилий стоил писателю поиск нужных слов, иначе говоря, в чем заключалось его мастерство как художника слова.

В свое время Гегель метко характеризовал соотношение подлинника и перевода: «...Переводы передают нам содержание, но не форму, не его тончайшую душу. Они подобны искусственным розам, которые по форме, цвету, а также, может быть, по запаху могут походить на живые, но они не имеют приятности, нежности, мягкости живого. И вообще изысканность и изящество копии присущи только ей самой и в ней дает о себе знать контраст между содержанием и формой, которая выросла не вместе с этим содержанием» [1].

Белорусские читатели особенно заинтересованы ближе ознакомиться с творчеством своего соотечественника, но переводы ограничивают возможности увидеть «тончайшую душу» содержания его произведений, ощутить «аромат» оригинала. Поэты эпохи Возрождения стремились подражать античным писателям, но развитие в средневековье устного и письменного общения на латинском

языке приводило к переоценке, упрощению, а нередко к усложнению и порче классической нормы, возникновению так называемой макаронной речи; вместе с тем необходимость выражать зарождающиеся повсеместно и постоянно новые реалии требовала поиска новых слов и словосочетаний.

Перед автором «Песни о зубре» стояла сложная задача отобразить на латинском языке красоту белорусской природы и быт ее жителей. Николай Гусовский успешно справился с нею.

Нельзя не согласиться с признанием польского поэта Яна Каспровича. Ослепленные блеском чисто формального художественного мастерства, отмечал он, мы смогли выдвинуть на первый план людей, которые, не творя, умели писать, как Гораций, Овидий, Вергилий, но если исходить из правильного положения, что поэзия должна быть отображением жизни, то окажется, что «мы прошли мимо такого автора, каким был Гусовский» [2]. Несомненно, самобытность художественного мастерства автора «Песни о зубре» достигла высот, недоступных новолатинским писателям начала XVI в.

В дальнейшем И. Пельчар, Е. Круковский и другие исследователи не развили мысль Каспровича о достоинствах сочинений Гусовского, его поэтическом даровании, а занялись изысканием точек соприкосновения творчества писателя с античными и новолатинскими образцами. Мастерство заключается, однако, не только в умелом использовании литературного образца, но и в замысле сочинения, в даре создавать новые образы, тонко подмечать явления жизни. На эти стороны творчества Гусовского правильно указал литературовед К. Баквис [3], но и он ограничился рассуждением о разработанности латыни по сравнению с национальными языками начала XVI в. и не остановился на насыщенности описаний Гусовского новыми неведомыми античному миру элементами.

Непреходящая ценность творения поэта проявляется в патриотическом духе, объективном подходе, реалистичном живописании природы родного края и быта соотечественников, искреннем стремлении привлечь внимание к страданиям народа, ставшего жертвой грабительских войн. Вместе с тем достигнутый поэтом высокий уровень повествования, трогательные лирические отступления могли стать, но не стали в его время и в последующие

века рычагом подъема культуры родного края, орудием нравственного и эстетического воспитания для населения Белоруссии.

Гусовский преднамеренно указал на самобытность славянской литературы, отметив тем самым, какими сведениями он располагал. Для западных гуманистов его высказывание о русских книгах было откровением. Чувство любви к родине, уважение к традициям народа, сочувствие простым людям, мечта о лучшем будущем вылились у поэта в латинских стихах. Критик К. Куманецкий считал, что «Гусовский, несомненно, первый латинский поэт в Польше, чья поэзия описывает личные переживания и не заимствует из чтения античных авторов»[4]. Если продолжить сравнение К. Куманецкого, то, пожалуй, более верно считать Гусовского не только первым латинским, но в известной мере и одним из первых европейских поэтов, достигших столь высокого уровня в творчестве.

Исследователь И. Пельчар пытался выявить в сочинениях Гусовского стихи, навеянные классической поэзией, но уже К. Баквис отметил, что у поэта обнаруживается много оригинального и что Пельчару удалось только оттенить некоторые языковые подражания[5]. В самом деле, достаточно ознакомиться даже с отдельными строками Гусовского, истолкованными как следование античным образцам, чтобы убедиться в самобытности творчества автора «Песни о зубре». Так, картина боя соперничающих быков представлена в «Георгиках» Вергилия[6] следующим образом:

Ранят друг друга быки, обливаются черной кровью,
Рога вонзить норовят, бодают друг друга с протяжным
Ревом; гудят им в ответ леса на высоком Олимпе.
В хлеве одном теперь им не быть: побежденный соперник
Прочь уходит, живет неведомо где одиноко.

(3, 221—225)

В «Энеиде»:

...Два свирепых быка начинают сражение, с разбегом
Лбом ударяют в лоб, трепеща пастухи отступают;
В страхе немом, не мыча ожидают покорно коровы,
Кто стада поведет, кто станет рощи владыкой;
С силой оба врага рога друг в друга вонзают,
Кровь широкой струей заливает подгрудки и плечи,
Громким отзвуком рев отдается по рощам окрестным.

(12, 716—722)

Гусовский же писал:

К власти стремятся самцы, крови немало пролив.
Слабых правителей всюду безжалостный бой ожидает,
Часу спокойного нет в жизни их, полной тревог.
И до того разгорится неистовый гнев властолюбья,
Что прекращается бой, лишь когда падает враг.
Силы слабеют, нелегким усильем победа досталась.
Недруга кто покорил, славы вкушает плоды.
Годы в изгнаньи проводит познавший беду пораженья,
Вслед за скитальцем самцом самка печально бредет.

(17, 222—230)

Стих «Песни о зубре» (17, 229), который И. Пельчар охарактеризовал как целиком заимствованный, в дословном переводе звучит так: «побежденный уходит опечаленный и все годы проводит в изгнании» (Victus abit maerens et totos exulat annos). В «Георгиках» же читаем: «побежденный уходит и долго проводит в изгнании и неизвестных местах» (3, 224—225) (Victus abit longeque ignotis exulat oris). Как видно, стих Гусовского имеет мало общего с этими строками.

В какой-то мере у Гусовского и Вергилия перекликаются стихи, содержащие сравнение малого с великим, но у Вергилия сопоставляются циклопы и пчелы, у Гусовского — зубр и козел. У первого говорится «малое» (parva), у второго — «крошечное» (exigua).

Сравнение других строк, на которые указывает И. Пельчар [7], также свидетельствует о том, что замысел, контекст и сочетания слов у Гусовского и римских писателей далеко не совпадают. Гусовский проявляет оригинальность мышления, находит своеобразную художественную форму для его воплощения. Лишь отдельные места произведений поэта навеяны стихами Альбия Тибулла и Марка Аннея Лукана. Язык Гусовского, размеры его стихов, отметил К. Куманецкий, отличаются чистотой [8]. К этому следует добавить: и высоким мастерством.

Ян Каспрович глубоко прав, когда говорит о впечатлении, возникающем при внимательном чтении «Песни о зубре»: в поэме «чувства, связанные с темой, разрывают оковы иноязычной, т. е. латинской, речи» [9]. Действительно, у Гусовского нигде не наблюдается слепое подражание классическим или каким-либо другим поэтам. В его произведении поражают самобытные, полные выразительной силы высказывания, причем его латинский язык настолько своеобразен и свеж, а размер стихов безупре-

чен, что как бы расточает благоухание родного края, и это обусловлено не только содержанием, но и некоторыми особенностями языковой оболочки. В тезаурусах латинского языка не упоминается имя Гусовского как автора, придавшего ряду слов новые оттенки значения. А между тем использование многих слов и выражений в сочинениях поэта отличается своеобразием. Так, глагол difflare, встречающийся у Плавта в значении «развеять», у Лукиана — «рассеять», у Авсония — «разогнать», у Гусовского сочетается со словом «звуки», отсюда difflare sonos — «оглашаться звуками», дословно «раздувать звуки»: «Боль испытав, разъяренный, взором мужей всех пронзает. Трепетный нос издает звук, потрясающий лес» (14, 524—525). Слово sublatus, воспринимающееся у Авла Геллия как «повышенный», у Марка Аннея Лукана — «высокопарный», у Цезаря и Вергилия — «возгордившийся», у Гусовского сочетается с существительным «голос» — «громкий, пронзительный»: «С кличем пронзительным всадники следом за мчащимся рвутся» (29, 529). В словарях приводятся десятки значений глагола agere, но ни одно из них не подходит для смысла, переданного Гусовским в сочетании alta repercussus sidera clamor agit («В звезды высокие бьет эхом повторенный крик») (29, 530). Прилагательное carneus встречается у церковных писателей в значении «плотский», у Гусовского оно определяет «ливень», т. е. получает оттенок значения «кровавый, из мяса»: «Ливень мясной на ветру, стынет от ужаса кровь» (31, 595—596). К своеобразным словам, использованным Гусовским, относится глагол incumbere «налагать». В стихотворении «К божественному Севастиану» посредством сочетания этого слова с существительным «болезнь» (morbus) достигнута особая выразительность картины страданий бедняков от распространявшегося мора: «Богачи одни попытались скрыться, мор напастью бьет по лачугам нищих...» (105, 49—50). Болезнь здесь не просто обрушивается, а наваливается на нищету, бьет ее. В этом же произведении поэт обращается к святому Севастиану с просьбой «преподнести, изложить», в чем состоит грех детей, подвергнутых мукам:

Глянь, ведь видно, как без греха младенцев
Тело, адских мук претерпев терзание,
Просит ласки! Ты докажи их вины,
Высуши слезы!

(106, 73—76)

В оригинале глагол proferre, употребляемый преимущественно в значении «выносить», подчеркивает неодобрение неоправданных действий небес.

В «Песне о зубре» характерен ряд сочетаний слов: «воздух вскипает лаем» (aether latratibus fervet): «Воздух дребезжащим лаем собак закипает» (22, 353). У Вергилия и Овидия глагол fervere (кипеть) часто сочетается со словами «работа», «дело», у Валерия Марциала он иногда означает «быть переполненным», у Горация — «волноваться», встречаются более редкие значения: «блистать, гореть, раздражаться». Выражение «вскипать лаем» — поэтическая находка Гусовского. Высокой оценки заслуживает сочетание «лес дрожит от криков» (silva... vocibus tremit): «Чащи далекие от голосов громкозвучных дрожат» (29, 544).

Не менее живописен бег мчащегося зубра: «Страшную гриву ерошит и по боку вихрь расстилает» (30, 553). Оттенки значения глаголов quatere (трясти, встряхивать, колебать) и refundere (переливать), встречающиеся у римских авторов, пополняются у Гусовского новыми оттенками: «ерошить», «расстилать», удивительно метко передающими картину бега зубра. Редкий глагол obsecere, не учитываемый даже подробными словарями, использован поэтом в значении «подсекать» для изображения подстреленных в крыло птиц: «Падал с крылом подсеченным журавль» (35, 695). Прием поэта можно считать неологизмом. Прилагательное imbellis (неспособный к войне) (у Саллюстия оно встречается в значении «мирный, кроткий, слабый», у Горация в сочетании с существительным «дух» — в значении «миролюбивый») — тоже находка Гусовского, оно придало особую черту характеру жителей родного края, «у которых единственная забота — плуг» (37, 770). Выражение «ярость исчерпывает члены» четко передает состояние изнеможения и неистовство загнанного зубра. Это тоже новаторство Гусовского. Показательными для его поэтического дарования являются глаголы в сочетаниях «пропитать кровью», «жечь дыханием», «расточать жалобы» (дословно «растрачивать»). В строках 933—934 (42)* поэмы о зубре образные выражения «извергать носом облака», «хле-

* В скобках указаны страницы по перепечатке И. Пельчара.

стать хвостом», «легкие дуновения», «дымящийся нос» поражают меткостью зрительных и слуховых впечатлений: (зубр) «хлещет хвостом, рассекая со свистом воздушные струи. Облака клубом густым пышет дымящийся нос». Прилагательное volucris (у Овидия в значении «летающий», у Вергилия, Цицерона — «стремительный», у Сенеки, Тацита, Федра — «мимолетный, плавный») у Гусовского употребляется в сочетании со словом «дуновение» — «легкий, летучий».

Латынь Возрождения не является застывшим слепком с классических образцов, ей присущи как живому средству общения специфические процессы. Свой вклад в эти процессы внес и Гусовский. Наряду с обогащением латинского языка словами и словосочетаниями, а также с накоплением метких выражений в речи Гусовского обнаруживаются следы родного языка. В произведения Гусовского то и дело проникали несвойственные классической латыни выражения и отклонения от нормы. Это были отзвуки славянского, скорее всего белорусского, языка. Так, отмеченные исследователем И. Пельчаром отклонения от классической нормы можно толковать как воздействие родной речи поэта. Слова в стихе 20 (9) поэмы о зубре spuere fugam, обозначающие в классической латыни дословно «плевать», «выплевывать бегство», напоминают в белорусском языке словосочетание «аплёўваць уцёкі» (оплевывать бегство); в стихе 159 (15) слова fixis in te conspectibus (вперив в тебя глаза) соответствуют белорусскому выражению «позіркі ў цябе ўтаропіць». Поэт употребил для обозначения понятия «глаз» вместо обычного oculus слово, содержащее корень «глядеть», как в «позіркі». В стихе 238 (18) слова et sua silvestres cura perennat opes, в XVI в. звучали бы в родном наречии Гусовского так: «і яго клопат увекавечвае лясное багацце» (и его забота увековечивает лесное богатство). Глагол «увековечивать» в классическом латинском является непереходным; слова «certamina eunt» в стихе 869 (40) отражают белорусские «ідзе барацьба» (идет борьба); в стихе 907 (41) глагол ludebat (играл) принимает несвойственный латыни оттенок в сочетании со словом «цвет» — «играл цвет», по-белорусски: «зіхацелі колеры». Весьма характерны отклоняющиеся от латыни слова в стихе 29 (19) ad Jtaliam venire (прибыть в Италию), передающие белорусское «прыбыць да Італіі».

В стихе 204 (161) исследователь И. Пельчар отметил неправильное употребление поэтом предлога per вместо ob в предложении «борьба шла за рощу» (certamina per nemus ibant), но это взято из белорусского «барацьба ішла праз гай». Подобное же в стихе 445 (26). В строке proelia possent et per nos geri (и мы могли бы вести борьбу) предлог per—показатель страдательного оборота, отражающего влияние местных наречий на язык Гусовского: «змаганне магло і праз нас (намі) весціся».

Об отклонении Гусовского в сторону родного языка свидетельствуют случаи употребления поэтом некоторых глаголов в изъявительном и сослагательном наклонениях. Так, недопустимая в классической латыни смесь времен наблюдается в стихах 199—200 (16): iubas... gessit et ex illis grex... nomen habet (дословно «носил гриву... и отсюда у стада было название». Ср.: по-белорусски «грыву насіў і ад яе стада імя мае»)*.

Влиянием родного языка можно объяснить частое несоблюдение Гусовским правил чередования времен сослагательного наклонения, присущих латинскому языку. Формы сослагательного наклонения срывались с уст поэта согласно их употреблению в славянских языках, например в стихе 139 (14) nolim (настоящее время сослагательного наклонения) поставлено вместо nollem (имперфект сослагательного наклонения). У обоих слов одинаковое значение, что отражается в белорусском языке: не каб я не хацеў пазбегнуць небяспекі — не чтобы я не хотел избежать опасности. В стихе 816 (39) форма nobilitent вместо nobilitant (сослагательная вместо изъявительной) не меняет смысла предложения «не потому, что боевые подвиги сделали бы человека более благородным». Не соответствует норме употребление наклонения в стихе 895 (41): iuvenes gaudent ut in eos ferae petant (радуются юноши, пусть бы на них набросились звери;

---

* Настоящее время глагола «мае» (имеет) отражает попытку поэта истолковать, точнее, найти этимон для слова «зубр». В обращении к королеве Боне, предпосланном «Песне о зубре», Гусовский отметил, что писал о животном, «которого мы называем зубром». Седые космы бегущего зверя напоминали поэту зубья. Этимологи допускают связь между словами «зубр» и «зуб» (ср.: Фасмер М. Р. Этимологический словарь: В 4-х т.— М., 1968—1972. Т. 1, с. 107). М. Р. Фасмер считает польское звучание «жубр» более поздним образованием.

по-белорусски: радуюцца юнакі, няхай бы на іх кінуліся звяры).

Художественность ряда описаний усиливается образностью мышления Гусовского, черпающего больше из сокровищницы внутренней формы слов в славянских языках. Это видно, например, в стихе 4 (9), где на римской арене быки «своим телом разрежают густые стрелы», или в стихе 528 (28), где зубр «гоняет прыжки и торопливые шаги». В первом случае глагол relaxare напоминает «раздзжваць», во втором глагол impellere близок слову «ганяць».

Какой бы темы ни коснулся поэт, он всегда достигал творческих высот, изыскивая наиболее меткое слово, сочетая образы, добиваясь выразительных, ярких сравнений. Когда Гусовскому предстояло нарисовать картину переправы через реку всадников, он начал с захватывающего описания разыгравшейся стихии: «Вздымаются водяные валы, взвиваясь пенистым хребтом, хищная волна бьется о берег, ходят вздутые гребни» (36, 724—725).

Яркие наблюдения поэта содержат следующие строки, в которых описывается переправа воинов через реку:

Было обычаем, каждый чтоб вилкой кривою оружье
В платье свое завернув, прочно доспехи скрепил.
Грудью надежная лошадь теснила тугое теченье.
Конь на покатой спине нес же оружье сухим.
Бодрая конница ринется в воду — поплыли отряды,
Ноздри в воде лишь видны, в волнах набухших сопят.
Юноши виснут на шее коней, загребая рукою
Левою, правая же ■ гриву вцепилась коня.

(36, 727—734)

А вот как поэт описывает случайное избавление охотника от рогов преследующего зубра:

Видел я случай подобный, как храбрый и сильный охотник,
Оцепенев, уронил меч и бежать уж не смог.
И не пришла бы бедняге на помощь судьба милосердно,
Неумолимая смерть тут же успела б скосить.
Дерево шапкой нависшего снега покрыто стояло,
Крона ветвистой сосны высилась круто вверху.
Мощный послышался звонкий удар и качнулась вершина,
Дрогнули ветви сосны, снежную шапку стряхнув.
Туча густая спасительной сверху спустилась завесой,
Снегом окутала все, будто ловца пеленой.
Силы внезапно вернулись к нему, и, воспрянув душою,
Бросился, скрытый во мгле, лесом стремглав наутек.

(40, 855—866)

6. Зак. 226

Ярко и выразительно описаны Гусовским звери и охота на них: мелькают стрелы, сверкает оружие (15, 158), глазища зубра вращаются в орбитах, как пылающий огонь (22, 362), зубр несется, как дымное облако по небу (30, 567—568), там, где разъяренный зверь нападает на людей или животных, бушует ливень мясной на ветру (31, 595), на месте схваток остается обагренный кровью снег (32, 630), неистовствующего зверя раздражает тень от пролетающих птиц (43, 947), вороны клюют застрявшие на ветвях куски тел, заброшенные рогами зубра (32, 610).

Красочно представлены поэтом в нарядных одеждах придворные, собравшиеся на помосте, чтобы наблюдать за охотой и видом разъяренного зубра:

Зубры несутся, теснят, нападают на гончую псарню,
Зрителям хочется взор боем насытить вблизи.
В круге девиц одеянья, как молнии, блеском сверкают,
Нежный одежды узор тешит, играют цвета,
Золототканная нить в белизне с переливом искусным,
В шелке багряном горят ярких оттенков огни.
Вскоре пылающей ярости зубра предстала картина
Роскоши панских шеренг, глазом толпу всю прожег.

(41, 903—910)

Читателя нередко восхищают поэтические находки автора: «вылетают из бумаги стрелы» (10, 37), «рев зверя, звук рогов вырывается из стихов» (10, 48). Не менее выразительны образы и в других произведениях Гусовского: «синие члены дымящейся кровью своей безобразит» (68, 105—106) — это блаженный Иакинф самоистязается; «берег болотистый вздрагивал, тронутый женскими воплями» (70, 150) — это женщины оплакивают утопленника.

В творчестве Гусовского сравнения и другие средства выразительности языка облегчают, с одной стороны, восприятие сложных выводов, с другой — рассуждений и наблюдений поэта. Подчеркивая, как трудно выразить ему то, что наполняет страданием сердце, поэт сравнивает свои усилия с «высохшим источником и бесплодным полем» (10, 27—28). Вспоминать о молодых годах, проведенных на охоте, — это «растягивать памяти сети» (14, 129), «охотиться за временем» (13, 99). Мчащегося зубра поэт сравнивает с «дымным облаком» (30, 565), а бег зубра в его представлении «более стремительный, чем грозо-

вые порывы» (32, 629); князь Витовт — это «пылающий факел войны» (33, 669), а дева Мария — «мать, ласкающая упавшее дитя» (46, 1047). В других произведениях Гусовского представлены не менее художественные сравнения. В поэме об Иакинфе сопоставляется сила материнской любви с неиссякаемым источником:

Ведь полноводный поток, растекаясь, поит, увлажняет
Все, что засохло и жаждет. Неисчислимы притоки,
Все же рождает реку лишь источник один родниковый.
Разве повсюду проникший и влагою все пропитавший,
Сможет совсем истощиться? Источник расти не умеет,
Он не иссякнет, он высшим и цельным всегда остается.

(84, 464—469)

Развитие сознания человека сравнивается с ростом плодов: «Плод развивается спелый из семени, нужно лишь время» (87, 563), путь легкомысленных людей — со «скользкими тропками по кручам опасным» (91, 679—680). Поэт проникновенно живописует причины, побудившие его с помощью песни подавлять страдания и печаль. Он призывает читателя обратиться к скифам,

...Полоненным, томящимся в замке;
Пусть тебе скажут, зачем за работой тяжелой поют,
Плача по родине, по колчанам, из которых все стрелы
Вытрясли, и на ногах кандалами ритмично звеня.

(56, 5—8)

Разве не так ли свирепые львы раздирают косулю,
Брюхо когда истомило желанье кровавых добыч?
Разве не так ли в неистовом бешенстве волчая стая
Стадо бессильное зубом терзает и рвет на куски?

(53, 135—138)

Образность языка Гусовского подмечена исследователями, которые охарактеризовали ряд мест из сочинений поэта как открытия, например «ливень мясной», падающий на землю, когда зубр терзает свои жертвы (31, 595—596) или когда вороны рвут застрявшие на ветвях куски тел (32, 610). В стихотворении «К божественному Севастиану» создается впечатление, как пишет Баквис, что топот ног самобичующихся фанатиков приближается:

...Сжав батоги, спин раздирают кожу.
Слышно хлещет кнут, он сечет до крови.
И все ближе шум, не щадя пронзает
Свистами уши.

(106, 57—60)

6*

О поэтическом даровании Гусовского свидетельствует то обстоятельство, что он умело подбирал слова для правильного стихосложения. Не следует забывать, что разговорная латинская речь, которой пользовались на протяжении раннего и позднего средневековья, а также язык гуманистов эпохи Возрождения не характеризовались фонетическими правилами, связанными с долготой и краткостью слогов, свойственными классической латыни. Произношение все более сближалось с особенностями языка данной страны. Для сочинения стихов на латинском языке требовалось умение определять и запоминать так называемое количество слогов. Следовательно, если в морфологии, синтаксисе и семантике языка Гусовского наблюдается ряд отклонений, а в такой исключительно трудной области, как чередование слогов, он безупречен, то это — неопровержимое доказательство овладения поэтом в совершенстве основами звукового построения слов и техникой использования стихотворных размеров, облекающих замечательное содержание вдохновенного творчества.

В стихотворном размере, пишет И. Пельчар, нет ничего, в чем можно бы упрекнуть поэта, все стихи не только свободны от ошибок, но даже отличаются какой-то прелестью и прекрасным ритмом. Гусовский пользуется гекзаметром в песне об Иакинфе и в молитве к Анне, В поэме о зубре и других сочинениях, за исключением стихотворения «К божественному Севастиану», поэт прибегает к элегическому гекзаметру [10]. По наблюдению К. Баквиса, этот размер, т. е. гекзаметр, позволил автору почти везде заменять дактиль спондеем, создавать большую свободу, а не однообразный ритм [11]. Так, при помощи дактиля, состоящего из долгого и двух кратких слогов, поэт изобразил впечатляющие звуковые картины мчащегося галопом зубра. В стихе 547 (29) слышен тяжелый топот:

Sic furor ipse gravem procul et celer impetus aufert

—◡◡—◡◡—◡◡—◡◡—◡◡—◡

(Так само бешенство грозного бег быстрый в даль все уносит).

(29, 547)

В стихе же 553 (30) спондей в первой стопе, растягивая гласные звуки, как бы задерживает взгляд челове-

ка, оцепеневшего от ужаса при виде «страшной гривы» мчащегося зубра:

Horrendas quatit aura iubas et utrumque refundit
——◡◡—◡◡—◡◡—◡◡—◡
(Страшную гриву ерошит и по боку вихрь расстилает).

(30, 533)

Страстно звучит стихотворение «К божественному Севастиану». Размер первой сапфической строфы выбран удачно, он сливается с содержанием, передавая тему жалобы и скорби. Ритм олицетворяет у поэта боль и тоску убитых горем человеческих существ. Стихотворение звучит то как похоронный звон, то как набат. Цезура в сапфических строфах Гусовского искусно отражает бездну отчаяния, охватившего жителей города, пораженного чумой (—́◡—́——||◡◡—́◡—́◡), а завершающий адоний (—́◡◡—́◡) напоминает перестук молотков гробовщиков:

Вот безумный страх потушил надежды,
Воздух гонит мор на несчастных граждан,
В гроб полягут все, кто остался в крае,
Гибнет живое.

(104, 13—16)

Пользуясь обычным гекзаметром, поэт восторженно живописует красоту природы:

Нет ничего на земле, чтоб не создано было для счастья.
Звезды мерцают во тьме, освещают сиянием слабым,
Мощью таинственной; пыль золотистую в воздухе чистом
Вспомнишь с восторгом. Природы дары — быстролетные птицы,
Рыбы и звери, плодов и металлов несчетные клады.
Пахаря радует нива зерном урожая обильным,
Дерево крепость свою предлагает и почками красит,
Разнообразными вкусами кормит; цветок столь невзрачный,
Травка, хоть вянет, достоинством запаха тешат и цветом,
В поле пестрят, обвивают деревни лучами-венками...

(93—94, 765—774)

Анализ мастерства Николая Гусовского и языка его произведений убеждает в том, что все его творчество отличает разнообразие жанров и замыслов. Он лирик и философ, географ и историк, живописец и фольклорист. Созданные им образы трогательны и привлекательны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

иколай Гусовский занимает особое место в истории белорусской и всемирной литературы. Его поэзия существенно отличается от наследия гуманистов начала XVI в. Высокохудожественное реалистическое описание природы у поэта сочетается с чутким и проникновенным отображением условий быта и жизни своего народа. Гусовский не поставил свое творчество на службу какой-либо религии или в зависимость от нее. Оставаясь глубоко религиозным, поэт осуждал насилие и фанатизм церковных изуверов.

В отличие от гуманистов Запада Гусовский высоко ценил миролюбивый труд простых пахарей и смелых охотников, презирал тех, кто пресмыкался перед аристократами и богачами. Вразрез со взглядами многих ученых своего времени, остававшихся в плену представлений о действии сверхъестественных сил в природе, поэт предпочитал рассматривать неразгаданные явления в свете жизненного опыта, добытого в повседневном труде.

Гусовский прилагал большие усилия к тому, чтобы власть имущим показать простого человека как достойного лучшей участи и глубокого уважения. Этой целью проникнуто все его творчество и обусловлен латинский язык его произведений. Знать, однако, осталась глухой к увещеваниям поэта.

Корни творчества Гусовского уходят глубоко в историю родного края, их питали соки народных преданий и сказаний. Попав в среду придворных, которым была чужда жизнь простого народа, Гусовский критически

относился к лицемерию и обману, царящим в папском окружении.

Вернувшись в Краков, автор поэмы о зубре изобличал чванство и эгоизм польской шляхты. Настроения поэта пришлись не по душе близким к королевскому престолу. Не имея покровителей, он был отвергнут высокомерной знатью. В этом причина того, что так рано погасло большое, но непризнанное дарование.

О достоинствах творческого наследия Гусовского свидетельствует уже то, что оно перешагнуло столетия и теперь, по истечении почти пяти веков, вызывает у читателя интерес и чувство наслаждения. Причиной тому являются истоки творчества поэта. Гусовский был убежден, что только сама жизнь, общение с природой диктуют искусству законы, вызывают истинное вдохновение, дарят поэту силу воображения.

Идеи итальянского Возрождения преломлялись у Гусовского под другим углом, чем у самих итальянцев. Поэт видел в итальянском окружении наряду с показным церковным благочестием и всплесками античного великолепия еще тлящиеся угли суеверий, которые вспыхивали чадящим пламенем, то в шествиях самоистязающихся фанатиков во время чумы, то в поклонении черным быкам с отпиленным рогом. Гусовский невольно сопоставлял с этим нестираемые из памяти картины народных верований в родном крае, где почитали деревья, реки, ужей, где испытывали заподозренных в колдовстве, полагаясь на водную стихию.

Своеобразие взглядов славянского поэта сказалось еще в одной области: многие итальянские гуманисты первой четверти XVI в., содрогаясь от ужасов католического изуверства, возмущенные лицемерием пап, склонялись к Реформации, искали в ней зашиты, но и здесь Гусовский оказался более прозорливым. Он глубже вник в сущность лютеровского выступления и во главе новой церкви увидел волка в овечьей шкуре. Гусовский распознал в Лютере врага народных масс, освящавшего крепостное право, ратовавшего за потопление в крови восставших против феодалов крестьян. Вместе с тем автор поэмы об Иакинфе не оправдывал действий, ведущих к кровопролитию и разрушению того, что уже создано человеком. В отличие от тех итальянских гуманистов, которые готовы были войти под своды суровых

протестантских храмов, Гусовский видел в пышном церковном убранстве мощное средство воспитания незрелых умов. Он был убежден в том, что церковный ритуал, песнопения, образы мучеников и святых нужны не богу и не самой церкви, а для того, чтобы воспитывать в людях понимание добра и зла, способствующее осознанности и устойчивости их шагов.

Для Гусовского чудом и свершением было не сотворение мира, а его существование, поэта занимали не споры о создании природы, а воспевание того, что она несет человеку. В поэме об Иакинфе Николай Гусовский писал:

Нет ничего на земле, чтоб не создано было для счастья...
Всем человек наслаждается, все ему пользу приносит.

(93—94, 765, 778)

Большим шагом вперед, выделившим Николая Гусовского из среды гуманистов XVI в. и приблизившим его к мыслителям нового времени, было установление истины, бытующей в простом народе: обманывают не природа и не сверхъестественные силы, а люди людей. Поэт внушал соотечественникам уверенность в том, что «лучшее все же наступит, когда прекратятся обманы» (95, 819).

В течение всей своей недолгой жизни Николай Гусовский безуспешно пытался воздействовать на короля и вельмож, убедить в том, что их долг — облегчить страдания простого народа. В этом историческая ограниченность и личная драма поэта.

Дошедшие до нас сочинения Гусовского невелики по объему, но литературное значение их неоспоримо. Включение подстрочных и художественных переводов сочинений Николая Гусовского в учебные хрестоматии, издание его трудов в подлиннике будет неоценимым вкладом в дело воспитания у советских людей любовного отношения к росткам физической и духовной красоты жизни.

Бессмертны слова поэта, воспевшего родной край и его природу:

Эти богатства народу ценнее червонного злата.
Верит, что у него лучшего нет ничего.

(18, 239—240)

Мысль о преданности отечеству венчает полные восхищения и сыновьей любви стихи о красоте и изобилии родного края, о простодушии и миролюбии его жителей. Все творчество Николая Гусовского — яркий пример служения народу. Высокие художественные достоинства сочинений поэта ставят его в ряд выдающихся представителей белорусской культуры эпохи Возрождения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

ВВЕДЕНИЕ

[1] Конон В. М. От Ренессанса к классицизму: Становление эстетической мысли Белоруссии в XVI—XVIII в.— Мн., 1978, с. 30.

[2] Carmen Nicolai Hussoviani de statura feritate ac venatione Bisontis.— Cracoviae, 1523.

[3] Rubricella cottidiana pro dioecesi Cracoviensi ad annum 1534 Nicolai Ussovii Adhortatio pastorum.

[4] Cavmen Nicolai Hussoviani de statura, feritate ac venatione bisontis.— Cracoviae, 1523. Denuo excusum Petropoli, 1855.

[5] Pelczar J. Micolai Hussoviani carmina...— Cracoviae, 1894. (Далее: Pelczar J.)

[6] Janociana. Varsaviae et Lipsiae, 1776, t. I.

[7] Kasprowicz Jan. Dzieła.— Kraków, 1930, t. XX, s. 83—108.

[8] Ibid.

[9] Ibid.

[10] Kallenbach J. O żywiole rodzimym w poezji M. Hussowskiego.— In: Charisteria de Morawski septuagenerio oblata. Pars Polona. Cracoviae, 1922, s, 121—131. (Далее: Kallenbach J.)

[11] Hartleb K. Działalność kulturalna biskupa-dyplomaty Erazma Ciołka.— Lwów, 1929, s. 98.

[12] Krókowski J. Jl carmen de bisonte de Nicolo Hussovianus Cracoviae 1523 e le sue ispirazioni italiane e antiche. Il mondo antico nel Rinascimiento.— Firenze, 1958, p. 95. (Далее: Krókowski J.)

[13] Kumaniecki K. Die lateinische Dichtung in Polen in der Zeit der Renaissance: Renaissance und Humanismus in Mittel und Ost Europa.— Berlin, 1962, II, S. 111. (Далее: Kumaniecki K.)

[14] Backvis C. Nicolas de Hussow: Literatura, komparatystyka, folklor.— Wrocław, 1968, s. 40—72. (Далее: Backvis C.)

[15] Гусовский Николай. Песнь о зубре: Пер. с лат. яз. Я. Порецкого, И. Семежона / Вступ. статья Я. Порецкого, Ю. Пренской.— Неман, 1968, № 7, с. 47—70; Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра: Пер. с лац. і пасляслоўе Я. Семяжона.— Полымя, 1969, № 6, с. 69—103.

[16] Куняев Станислав, Шкляревский Игорь. Голос из шестнадцатого века.— В кн.: Поэзия. М., 1971, т. 5, с. 69—104; Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра: Пер. с лац. Я. Семяжона.— Мн., 1973; Порецкий Я. И. «На жертвоприношение черного быка», «К божественному Севастьяну» и «Победа над турками» Н. Гусовского.— Вопросы филологии. Мн., 1973, вып. 3, с. 196—203; Паэма Міколы Гусоўскага «Жыццё Іакінфа»: Пер. на рус. мову Я. І. Парэцкага.— Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Мн., 1974, вып. 2, с. 156—183; Невядомыя вершы Гусоўскага (1523—1533): Пер. з лац. на рус. мову Я. Парэцкага.— Там же,

1975, вып. 3, с. 177—183; Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра: На лац., бел. і рус. мовах.— Мн., 1980; Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра: Паэма / Прадм. В. Дарашкевіча, Я. Семяжона; Пер. з лац. на бел., заўв. і камент. Я. Семяжона; пер. з лац. на рус. Я. Семяжона і Я. Парэцкага; іл. А. М. Кашкурэвіча.— Мн., 1981.

[7] Калеснік У. А. Зорны спеў: Літаратурна-крытычныя артыкулы, нарысы, эцюды.— Мн., 1975.

[18] Ларчанка М. Р. Жывая спадчына.— Мн., 1977.

[19] Конон В. М. От Ренессанса к классицизму.

[20] Дорошкевич Виктор. Франциск Скорина и Николай Гусовский.— Неман, 1979, № 1; Он же. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы.— Мн., 1979; Он же. Я оставляю народу (к 500-летию со дня рождения Н. Гусовского).— Лит. газ., 1980, 6 авг.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

[1] Kallenbach J., s. 83.

[2] Ibid., s. 127.

[3] Władysławiusz Adam. Przygody i sprawy trefne ludzi stanu wszelakiego.— Lubcza, 1613; Порецкий Я. И., Пренская Ю. И. Введение к переводу «Песни о зубре».— Неман, 1968, № 7, с. 48.

[4] Fedorowski M. Lud Białoruski.— W-wa, 1930, t. IV, s. 137.

[5] Barycz H. Z dziejów humanizmu w Polsce. Kto z Polaków sprawował lekturę retoryki w Uniwersytecie Bolońskim w roku 1519—1520?— Odrodzenie i Reformacja w Polsce, 1978, XXIII, s. 27—33.

[6] Вопросы филологии, вып. 3, с. 198—199.

[7] Беларуская літаратура і літаратуразнаўства, вып. 3, с. 181—182.

[8] Там же.

[9] Backvis C., s. 57.

[10] Polski słownik biograficzny.— W-wa, 1938, t. 3, s. 126.

[11] Ibid.

[12] Беларуская літаратура і літаратуразнаўства, вып. 3, с. 179—180.

[13] Там же, с. 180.

[14] Там же, с. 182.

[15] Там же.

[16] Вопросы филологии, вып. 3, с. 202—206.

[17] Pelczar J., p. 57.

[18] Kallenbach J., s. 123—131.

[19] Pelczar J., p. 110.

[20] Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы, с. 135.

ИСТОКИ ПОЭЗИИ

[1] Krókowski J., p. 93.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Цит по кн.: Krókowski J., p. 102.

[5] Ibid.

[6] Ibid., p. 103.
[7] Ibid., p. 102.
[8] Ibid.
[9] Ibid., p, 103.
[10] Ibid.
[11] Ibid., p. 97.
[12] Ibid., p. 90.
[13] Ibid.
[14] Данте Алигьери. Божественная комедия: Пер. М. Лозинского.— М., 1967, 74—75.
[15] Там же, Ад, III, 34—36.
[16] Там же, 19—51.
[17] Там же, Рай, XXXIII, 31—33.
[18] Там же, Ад, I, 1—10.
[19] Там же, IV, 34—38.
[20] Там же, Рай, XXVII, 55.
[21] Backvis C., s. 95.
[22] Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, XIX, 104, 105, 112.
[23] Backvis C., s. 97.
[24] Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, XXVI, 43—48.
[25] Там же, 38—39.
[26] Там же, XXXIII, 87.
[27] Там же, Рай, XXVII, 124.
[28] Там же, 125—135.
[29] Там же, Ад, XXVIII, 1—6.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 484.
[2] Пуришев Б. Очерки по истории немецкой литературы XV—XVII вв.— М., 1955, с. 118—119.
[3] Там же, с. 39.
[4] Там же.
[5] Backvis C., s. 56.
[6] Pelczar J., p. 75.
[7] Ovidius Naso P. Ex Ponticis, I, 26.
[8] Ibid., X, 31.
[9] Pelczar J., p. 5.
[10] Ibid., p. 6.

ПОЭТ И РЕФОРМАЦИЯ

[1] Цит. по кн.: Пуришев Б. Очерки немецкой литературы XV—XVII вв., с. 175.
[2] Там же.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 423.

ПЕВЦЫ РОДНОГО КРАЯ

[1] Pigoń S. Wstęp.— In: Adam Mickiewicz. Pan Tadeusz. Wrocław; Kraków, 1958, s. III.
[2] Ibid., s. IX.

[3] Mickiewicz Adam. Pan Tadeusz, s. 68—69.
[4] Trembecki S. Zofiówka i wybór poezji.— Kraków, 1925.
[5] Sinko T. Mickiewicz i antyk.— Kraków, 1957, s. 419.
[6] Ibid., s. 163.
[7] Kasprowicz J., s. 84.
[8] Ibid.

ХУДОЖНИК СЛОВА

[1] Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет.— М., 1970, с. 404.
[2] Kasprowicz J., s. 83.
[3] Backvis C., s. 40—72.
[4] Kumaniecki K., S. 111.
[5] Backvis C., s. 61.
[6] Вергилий Публий Марон. Буколики; Георгики; Энеида.— М., 1971.
[7] Pelczar J., p. XXV.
[8] Kumaniecki K., S. 112.
[9] Kasprowicz J., s. 88.
[10] Pelczar J., p. XXVII.
[11] Backvis C., s. 90.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Творческий путь 7
Истоки поэзии 26
Социальные воззрения 39
Поэт и Реформация 54
Певцы родного края 63
Художник слова 73
Заключение 86
Библиографические ссылки 90

Яков Ильич Порецкий

НИКОЛАЙ ГУСОВСКИЙ

Заведующий редакцией *А. И. Валаханович*
Редактор *Н. И. Тараненко*
Художник *Н. Н. Купава*
Художественный редактор *В. А. Жаховец*
Технический редактор *В. И. Крученок*
Корректор *В. И. Мартинович*

ИБ № 1692

Сдано в набор 14.02.84. Подписано в печать 25.04.84. АТ 18694. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,35. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 1950 экз. Зак. № 226. Цена 55 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». 220600. Минск, Ленинский проспект, 68.

Порецкий Я. И.

П59 Николай Гусовский / Науч. ред. З. Ю. Копысский.— Мн.: Наука и техника, 1984.— 94 с.

55 к.

В работе рассматривается творчество выдающегося белорусско-латинского поэта начала XVI в., исследуются его идейные истоки. В центре внимания — поэма «Песнь о зубре». Значительное место уделено идейной позиции и поэтическому мастерству поэта.

Рассчитана на филологов, историков, преподавателей и студентов филологических факультетов вузов.

4603010201—078
П———————————119—84 **ББК 83.3Бел1**
М316—84

55 к.